

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 5 (6376) 2015

ДОНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарями в 985 году («Повесть временных лет»)

Худ. Ахмед Китаев. «Любовь моей юности»

Мы помним..

с. 4-5

О душе и сердце

с. 8-9

Поэзия подвига

с. 14-15

Из-за колючей проволоки

с. 6

Откровенно о нас

с. 11

Заки НУРИ

Сплю в окопе, накрывшись шинелью.
Свищет ветер, сгибая кусты.
И опять за сплошной метелью
Я любимые вижу черты.
Снится мне, будто шумной Москвою
Мы идем, как в былые года,
И что молодость наша с тобою
Никогда не пройдет, никогда.
Вновь я глажу горячие руки,
Слышу голос: «От многих невзгод

Я устала, любимый, в разлуке,
Час был месяцем, день — словно год.
Наша встреча! Ее дождалась я.
Ты вернулся с победой домой.
Нет желаннее этого счастья...»
Но тут сон прерывается мой.
Хлещет ветер, в лицо мне бросая
Запах гари, колючий снежок...
И опять на тебя, дорогая,
Я во сне наглядеться не мог.

Перевод Л.Хаустова

Москва

Первый московский молодежный форум «Мост Москва – Татарстан» прошел в столице. В нем принял участие временно исполняющий обязанности Президента Республики Татарстан Рустам Минниханов. Инициатором и организатором проведения форума выступило полномочное представительство Республики Татарстан в Российской Федерации. Встреча прошла в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 70-летию Великой Победы, а также 95-летию образования Татарской АССР и 25-летию новой государственности Республики Татарстан. Для участия в форуме подали заявки более 800 студентов и выпускников московских вузов, молодых специалистов – до 35 лет. Все они являются выходцами из многонационального Татарстана или же татарами из других российских регионов. Программа форума состояла из тематических блоков. О том, «как стать успешным», молодежи рассказали заместитель Министра финансов России Айрат Фаррахов, академик РАН и РАМН, известный кардиохирург, председатель Клуба врачей при полпредстве РТ в РФ Ренат Акчурин, президент корпорации «Русский стандарт» Рустам Тарико. В блоке «Патриот Родины, кто он?» выступил генерал армии, участник Великой Отечественной войны Махмут Гареев, Герой России, генерал-майор Сергей Тулин и главный редактор «Российской газеты», председатель Медиаклуба при полпредстве РТ в РФ Владислав Фронин. О сохранении традиций и родного языка в условиях мегаполиса рассказали писатель и главный редактор газеты «Татарский мир» Ринат Мухамадиев, историк и публицист Марат Сафаров. В разделе «Татарстан для молодежи» выступили: заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – Министр информатизации и связи Республики Татарстан Роман Шай-

хутдинов, генеральный директор ОАО «ОЭЗ ППТ «Алабуга» Тимур Шагивалеев и другие. Рустам Минниханов отметил, что такая форма встречи, общения с молодежью очень важна. «Нам важно сохранить наши контакты, важно, чтобы мы были вместе, чтобы вы чувствовали, что в Татарстане – ваши друзья, и вы можете на нас опереться. И, конечно, мы хотели бы, чтобы такие встречи были постоянными», – сказал Рустам Минниханов. Также он отметил большую работу полпредства, проводимую в течение последних пяти лет, направленную на объединение в Москве соотечественников и соплеменников, в том числе молодежи. «Сабантуй сейчас проходит везде, но то, на каком уровне он проходит в Москве и Московской области, может быть примером для всех», – сказал Рустам Нургалиевич. Завершился форум концертной программой, в которой приняла участие талантливая молодежь. Многие ребята уже успешно выступают в лучших концертных залах Москвы, России и зарубежья.

Пока внуки примеряют кители дедов мы не победимы!..

Литературно-музыкальный вечер «Поэма со словом «вечность» прошел в полномочном представительстве Республики Татарстан. Совместную программу представили поэтесса Альбина Абсалямова и народный артист Татарстана Рэм Урасин. Лауреат премии «Триумф», главный редактор журнала «Идель» Альбина Абсалямова представила стихи из своей новой книги «Разве есть на свете забвение?», а лауреат международных конкурсов, пианист Рэм Урасин исполнил произведения татарских композиторов. На вечере присутствовали

дочь Абдурахмана Абсалямова Ляля Абсалямова, дочь поэта-героя Мусы Джалиля Чулпан Залилова, телеведущая Фариды Курбангалеева, художник и музыкант Полина Ольденбург и многие другие.

Завершился второй сезон популярного телевизионного проекта «Голос. Дети 2». Первое место в телешоу, по результатам sms-голосования, завоевала 15-летняя татарка из Ташкента Сабина Мустаева. Сабина родилась в 2000 году и является уроженкой Ташкента. Она поет с раннего детства, ее дедушка — джазовый саксофонист. В 2013 году Сабина участвовала в Международном конкурсе «Детская Новая волна», где стала призером. На втором месте телешоу — 14-летняя татарка Саида Мухаметзянова из Казани. Саида родилась в 2001 году. Ее отец – имам мечети. Семья девочки переехала в Казань из Сибири, чтобы воспитывать дочь в национальных традициях и исламских канонах. Саида покорила зрителей шоу «Голос. Дети 2» песнями на родном татарском языке.

Казань

В Музее исламской культуры открылась первая в Казани выставка, посвященная выдающемуся татарскому богослову, общественному деятелю Мусе Бигиеву. Выставка «Вечный странник» приурочена к 140-летию со дня рождения мусульманского мыслителя и раскрывает все этапы его личной и творческой жизни. Центральный экспонат выставки – сигнальный экземпляр типографского набора перевода Корана, который был подготовлен к печати, но в силу ряда причин не был издан самим автором. Уникальный экземпляр долгие годы хранили жена и дочь Мусы Бигиева. Также среди экспонатов чудом сохранившиеся в семье уникальные фотографии, книги с автографами Мусы Бигиева, очки, ковшик паломника. На некоторых предметах можно увидеть трогательные записки, сделанные супругой выдающегося богослова. На церемонии открытия выступила супруга внука Мусы Бигиева Альмира Тагирджанова, которая много времени посвятила исследованию биографии мыслителя.

Торжественная церемония награждения победителей Всероссийского конкурса учителей родного языка и литературы «Туган тел» прошла в Казани. Гран-при конкурса удостоился учитель татарского языка и литературы средней школы №25 Набережных Челнов Расим Хафизов. Всего в конкурсе принимали участие 97 учителей родных языков из Республики Татарстан, Башкортостан, Оренбургской и Ульяновской областей, из которых в финал вышли 25 педагогов русского, татарского, чувашского, удмуртского, марийского, мордовского и башкирского языков.

Екатеринбург

VIII Открытый межрегиональный фестиваль исполнителей татарской песни и инструментальной музыки «Урал сандугачы» («Уральский соловей») прошел в Екатеринбурге. Фестиваль является одним из значимых проектов национально-культурной жизни татар Свердловской области. Созданный в память уральской певицы Резеды Яруллиной, инициированный учредителями Национального медиа-холдинга Альбертом Абзаловым, Ринатом Аскарковым, Ринатом Садриевым, фестиваль объединил почитателей народной культуры, любителей татарской песни. В этом году в нем приняли участие более восьмидесяти номинантов из Татарстана и Башкортостана, Пермского края, из Курганской, Омской, Оренбургской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей, из Ханты-Мансийского автономного округа. Впервые на фестивале выступили певцы из Китайской Народной Республики и Республики Крым.

Челябинск

На Алом поле в Челябинске установили памятник советскому разведчику Исхаку Ахмерову. Это первый в России монумент, посвященный бойцу невидимого фронта. На церемонии открытия собрались руководители силовых и правоохранительных ведомств региона, ветераны и кадеты. Идея установить памятник легендарному разведчику была предложена много лет назад магнитогорским врачом, писателем

и краеведом Анатолием Шалагиным. В годы войны Исхак Ахмеров был руководителем советской агентуры в США. Коллеги ставили его в один ряд с такими корифеями советской разведки, как Абель и Зорге. Один из самых засекреченных нелегалов СССР Исхак Ахмеров около 12 лет работал за океаном под оперативным псевдонимом Юнг, участвовал в знаменитом «Манхэттенском проекте».

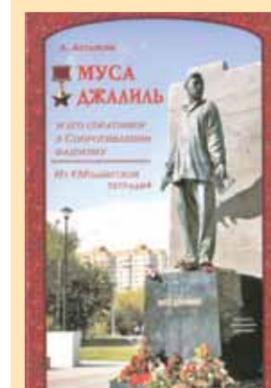
Уфа

Концертом в Уфе открылся гастрольный тур Государственного ансамбля песни и танца Республики Татарстан по городам Приуралья и Западной Сибири. Концерты запланированы в восьми городах и населенных пунктах Башкирии, Пермского края и Ханты-Мансийского автономного

округа. В гастрольном туре принимают участие танцевальная, хоровая и оркестровая группы ансамбля. Для зрителей подготовлены две специальные программы. В городах Башкирии татарстанские артисты показывают программу «Аулак өй» («На посиделках») и лучшие номера концертного репертуара («Ак мурзалар», «Ай, былбылым», «Чалыштыру», «Казан кызы», «Кәккүк», «Кульяулык», «Картуф», «Гармонь»). В городах Сибири труппа представит специальную программу, посвященную 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Новая книга профессора МГИМО(У) МИД России, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации **Абдулхана АХТАМЗЯНА** написана на основе изучения свидетельств участников событий и документов, выявленных в российских и германских архивах. В ней раскрывается подпольная деятельность татарской группы Сопротивления нацизму в тылу врага. Группа Джалиля и Курмашева подвергнута казни на гильотине в тюрьме Плетцензее в Берлине в 1944 году по приговору нацистского суда «за подрыв военной мощи» германского рейха. Эпизоды борьбы – распространение листовок, организация побегов и восстания пленных, перехода на сторону партизан — получили отражение на страницах нового издания.

Владимир ПУТИН

Уважаемые коллеги! 9 Мая – это день славы, день гордости нашего народа, день наивысшего почитания поколения победителей. Но все мы знаем, что наши ветераны нуждаются в постоянной и повседневной заботе. Поэтому для Российского оргкомитета «Победа» главным должен быть вопрос: всё ли сделано для всесторонней, полноценной поддержки наших ветеранов? Вы знаете, что Правительство Указом Президента поручено принять дополнительные меры по улучшению социально-экономического положения ветеранов... Каждый из них внёс свой вклад в Победу: в решающих битвах и на безымянных высотах, в военных госпиталиях, в партизанских отрядах, в блокадном Ленинграде, в Москве, на всех территориях, в тылу, в эвакуации, где тяжелейшим трудом укреплялась жизненная мощь нашей страны, – всё это было сделано руками конкретных людей.

Сегодня мы видим не только, к сожалению, попытки переиначить, исказить события той войны, но и циничную, ничем не прикрытую ложь, наглое очернительство целого поколения людей, отдавших практически всё этой Победе, отдавших мир на земле. Я думаю, что вы сами об этом знаете, лишнее раз повторять не нужно, но иногда, действительно, язык не поворачивается, чтобы пересказать все эти бесстыдные выводы, наблюдения так называемые, не имеющие ничего общего с правдой. Их цель понятна: подточить силу и моральный авторитет современной России, лишить её статуса страны-победительницы – со всеми вытекающими из этого международно-правовыми последствиями, разделить и рассорить народы, использовать исторические спекуляции в геополитических играх. Порой звучит просто откровенный бред – просто удивительно, как люди доходят до этого. И на самом деле это не так безвредно, потому что происходит попытка заложить в голову миллионов людей, прежде всего молодёжи, совершенно опасные тенденции и извращённые представления об истории...

Поэтому подготовка к юбилейным торжествам – это не только организация праздничных мероприятий. Это и огромная просветительская и информационная работа, как на национальном, так и на международном уровне. Мы обязаны постоянно, аргументированно, твёрдо, настойчиво отстаивать правду о войне, о колоссальном вкладе советского народа в Победу, об объединяющей и решающей роли Советского Союза в разгроме нацизма. Когда я говорю об объединяющей роли, хочу сказать, что многие народы покорённой тогда Европы с надеждой следили за тем, что происходит на фронтах Великой Отечественной войны. И конечно, это вселяло силу и надежду на будущее избавление от нацизма для всей Европы. По большому счёту Россию, наше общество сегодня, к сожалению, продолжают испытывать на зрелость и единство, на прочность наших исторических традиций и связи поколений. Наша задача – опираясь на активное участие и поддержку граждан, достойно ответить на эти вызовы. При этом важно использовать все возможности, чтобы рассказать об истории Отечества, о ратных и трудовых подвигах наших предков, открывать двери всем, кто хочет проявить себя на этом поприще, реализовать своё стремление быть причастным к общенациональному делу – к воспитанию патриотизма, отстаиванию национальных интересов своей страны.

Наши ветераны должны быть уверены, что мы никогда их не подведём; что мы смогли и сможем передать нашим детям чувство гордости за них, за их Победу, величие которой навсегда останется в истории; что неприятие нацизма – в наших генах и в нашей крови...

(Из выступления Президента России В.В. Путина на заседании Российского организационного комитета «Победа»)

Сания Искандеровна АННЕНКОВА,
ветеран Великой Отечественной войны

Неоспоримая наша Победа!

Пройдя через беспредельную боль утрат, страданий, многонациональный народ проявил титаническую силу духа, выстоял и спас мир от порабощения. Память и гордость за беспримерный подвиг воинов и тружеников тыла нравственно объединяют нас сегодня. Хочется верить, что и впредь наши будущие поколения будут чтить, беречь и защищать былую честь советского солдата-освободителя, а также правдивую историю Родины, которая не встала на колени перед гитлеровским фашизмом, а всему миру доказала свою непобедимость.

Мысленно возвращаясь в прошлое, хотелось бы поделиться с вами, дорогие читатели, глубоко осевшими в сознании незабываемыми впечатлениями от всего увиденного мною на Красной Площади Москвы в День Великого Праздника нашего народа – 9 мая 1945 года. На всю жизнь запомнилось утро 9 мая, когда из всех тогдашнего времени «тарелок» Всесоюзного радио зазвучало «Важное сообщение». Передавалось обращение товарища И.В. Сталина к народу:

«Товарищи! Соотечественники и Соотечественницы! Наступил Великий День Победы над Германией. Фашистская Германия признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию. Великая Отечественная война завершилась нашей полной Победой. Начался период мирного развития. С Победой вас, мои дорогие Соотечественники и Соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом! Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!»

Через столько страданий и гибель прекрасных жизней пришла, наконец, долгожданная Победа. С криками, раздирающими души: «Победа! Победа!», люди выбегали на улицы. Измученные войной сердца их переполнялись необъятной радостью. Надо было видеть, что творилось на улицах Москвы! Совершенно незнакомые люди плакали, обнявшись друг с другом. Вид всех объединяла радость Победы!

С самого утра люди шли и шли на Красную площадь. Им, пережившим, выстрадавшим жестокую войну, настало время собраться в одном месте! И этим местом стала Красная площадь – сердце Родины. По радио звучал неповторимый голос Левитана с текстом «Приказа Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина»:

«В ознаменование полной побе-

ды над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-морского флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий!

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствует победоносная Красная Армия и Военно-морской флот!»

Погода 9 мая была теплая, солнечная. Весь день на Красной Площади по радио звучали торжественная музыка и песни военного времени. Люди, не поддаваясь усталости своих ног, продолжали стоять в ожидании салюта Победы. Все взоры их были обращены на часы Спасской башни Кремля. И вот, в 22 часа наступила эта долгожданная минута с боем кремлевских часов. Затаив дыхание, люди слушали каждый удар этих знаменитых часов. После их последнего удара загремели залпы тысяч орудий с территории Кремля и Садового кольца Москвы. Закружились вокруг своих осей тысячи прожекторов, освещающих движущимися лучами ночное небо. А многоцветные огни фейерверков преобразовали, оживляли небо, как божественное чудо!

Не отрывая глаз от неописуемого сказочного неба, люди испытывали такой восторг, который не забудется никогда. После того, как огни фейерверков погасли, в ночном небе над Кремлем за Историческим музеем предстало изображение И.В. Сталина на огромном шелковом полотне. Портрет свисал с высоко поднятого в небо дирижабля, освещая направленными на него лучами дух прожекторов. Казалось, что с высоты небес «оживленный» дуновением ветра из портрета И.В. Сталин смотрел на свой народ. Рядом, со второго дирижабля, свисало ярко-красное шелковое Знамя Победы. Это «живое» знамя в небе над Кремлем олицетворяло Советское государство, как символ Победы нашего народа над немецким фашизмом.

В это время на территории Манежной площади на «концертных площадках», установленных на грузовых автомобилях («полуполках»), всю выступали известные артисты московских театров, кино и цирка. Затем я по Охотному ряду направилась на соседнюю площадь имени Свердлова, где на таких же «концертных площадках» выступали артисты, а поэты читали стихи. Вся площадь была заполнена народом, негде было яблоку упасть!

У «Восток-кино» толпы людей с азартом подбрасывали вверх очутившихся рядом мужчин, как ге-

роев. Подойдя поближе, я увидела, как качали долговязого сотрудника американского посольства. С подошедшими студентами помогли мы выбраться ему из этих непосильных «оков». Этот американец с признательностью предложил прогуляться до здания посольства США. При этом мы задавали ему разные вопросы. В свою очередь и я спросила:

– Каковы будут взаимоотношения США с Советским государством при уже новом президенте Трумене?

На что он коротко ответил: «Трумен – не Рузвельт! Для Вас будет не лучше». От такого откровенного ответа неуютно стало на душе в этот Победный праздник. Сказанное им вскоре нашло свое подтверждение.

10 мая, в полдень, я снова пришла на Манежную площадь. Увидела толпу людей у грандиозного здания посольства Америки (тогда оно находилось на Манежной площади напротив Кремля). На балконе 3-го этажа здания посольства в окружении двух сотрудников стояла женщина. Оба подносили ей коробки, содержимое которых (конфеты, сигареты) женщина медленно, поштучно сыпала их на грязный тротуар. Толпа зевала, ползая на коленях, подбирала с асфальта эти «угощения» из стен посольства США.

Со слезами на глазах я долго наблюдала такое гнусное представление. Эту безобразную картину также обозревал и дежурный милиционер со своего поста у проходной калитки посольства. Вот таким способом, а не иным, с балкона 3-го этажа представительского здания, преподносилось «угощение» народу-победителю в праздник Победы 10 мая в 1945 году.

С тех дней прошло 70 лет, но я не могу забыть и простить эту наглую демонстрацию унижительного отношения к народу-победителю, совершенную не где-нибудь, а с фасада здания напротив Кремля, среди бела дня, на виду у всех.

А как не вспомнить и другую картину – о поступке нашего советского человека, осуществленного им в тот же день, на той же площади Москвы. Перед входом в метро «Гостиная «Москва» был выставлен единственный лоток с мороженым по коммерческой цене. Выстроилась очередь. Я видела, как к лотку подошел советский офицер и, оплатив стоимость мороженого для всей очереди, тотчас удалился. Что можно сказать после всего этого?!

Наш народ спас мир от фашизма и достоин уважения. С этим надо считаться. И сегодня мы не должны позволять никому унижать нас! Наперекор всем измышлениям недоброжелателей отстоим историческую правду о Великой Победе нашего многонационального народа!

г. Омск

Ибраим ВОЕННЫЙ, руководитель Крымской общественной организации «Койдешлер»

Праведница мира

Известный актер и режиссер Ахтем Сейтаблаев, автор фильма «Хайтарма», снимет фильм о крымской татарке, которая во время войны спасла десятки еврейских детей. Как рассказал режиссер, картина «Её сердце» будет основана на реальных событиях. Прототипом героини станет Сайде Арифова — воспитательница детского сада в Бахчисарае, усилиями которой остались в живых семьи Капустинских, Шварцман, Салиевых, Хаваевых, Неметовых, Зенгин и 73 ребенка Керченского дома сирот, которых фашисты планировали вывезти в Германию для проведения опытов. Однако, несмотря на это, в 1944 году Сайде, как и других крымских татар, депортировали в Узбекистан. В Крым Арифовой удалось вернуться только после перестройки. Национальный мемориал Катастрофы (Холокоста) и Героизма Яд ва-Шем признал Сайде Арифову Праведницей мира.

Сайде Арифова, родилась 13 февраля 1916 года в Бахчисарае. Во время Великой Отечественной войны она – татарка и мусульманка – работала воспитательницей детского сада. Когда нацисты оккупировали город, каждому еврейскому ребенку Сайде дала крымско-татарское имя, научила языку и молитве в традициях ислама. Таким образом, убедилась нацистов, что эти дети — крымские татары.

Так она спасла от смерти двух братьев из смешанной семьи Салиевых, которых хотели расстрелять как евреев. Также она дала показания о том, что отец дочери еврейки Воли Поляковой караим Мордахай Зенгин, тем самым не дав девочку убить. Арифова спасла семью Шварцмана, глава которой был на фронте, а его жена Сайде Джелилова и дочь Майя оставались в родном городе. Она укрывала в деревне Дуван-кой семью еврея Моисея Ховаило. Для многих Арифова стала спасительницей. В сентябре 1943 года, после падения сопротивления Керченских каменоломен Аджи-Мушкая, фашисты собрали 73 ребенка керченских партизан, военачаль-

ников и солдат, сражавшихся в этих каменоломнях. Они были распределены по возрастам в Керченский детский дом и Керченский дом малюток. Дети в основном были еврейской национальности, мальчики и девочки в возрасте от 2-х до 15-ти лет. Вскоре 73 ребенка на верхних палубах немецких судов были отправлены в Севастополь. «Живой щит» не позволил советским самолетам бомбить немецкие корабли.

Партизанское командование попросило Сайде Арифову спасти детей от угона в Германию. Малыши были очень истощены. Нужно было создать им элементарные условия, организовать питание. Арифова предложила свою помощь в качестве ночной няни и помощь по снабжению детей, для чего пришлось обходить дома жителей Бахчисарая, собирая постельные принадлежности, одежду и продукты. Постепенно дети начали оправляться от болезней и недомогания.

Детский дом содержался в строгости. Говорить предписывалось только на немецком. Разговор на русском не одобрялся. Каждое утро начиналось с немецкого гимна. Для старших детей эта обстановка была невыносимой.

Благодаря человеческой заботе Сайде Арифовой никто из 73-х детей не умер. Очень помогла доктор Файзуллаева, умудрявшаяся лечить их практически без медикаментов.

В один из дней комендант Бахчисарая предупредил, что дети должны быть готовы в любую минуту к отправке в Германию. Партизанское командование поспешило стало думать о возможности спасения детей. Доктор Файзуллаева выдала Сайде Арифовой медицинское заключение о плачевном состоянии здоровья детей, дескать, у них сплошь туберкулез, чесотка, язвы, воспаления и другие страшные заразные заболевания, которых так боялись немцы. Этот документ был переправлен в ведомство комендатуры Бахчисарая и вызвал большой переполох.

Было решено отселить детей подальше от комендатуры. Через городского голову Рифата Диванова, довоенного знакомого Сайде, было внесено предложение отремонтировать и использовать для дальнейшего пребывания детей бывший дом великого татарского просветителя Исмаила Гаспринского, находившегося в деревне Салачык, в трех километрах от Бахчисарая.

Имея на руках паспорт с немецким штампом «неблагонадежная», в условиях сплошной разрухи и угрозы смерти, сумев использовать привезенные от партизан стройматериалы и инструмент, Сайде вместе с сыном к 23 февраля 1944 года удалось завершить ремонт и перевезти детей в помещение усадьбы. Так удалось оторваться от опеки немецких силовых структур СС, СД, гестапо и комендатуры.

13 апреля 1944 года партизаны за одни сутки сумели освободить от фашистов Бахчисарай и его окрестности. Немцам не удалось вывезти детей.

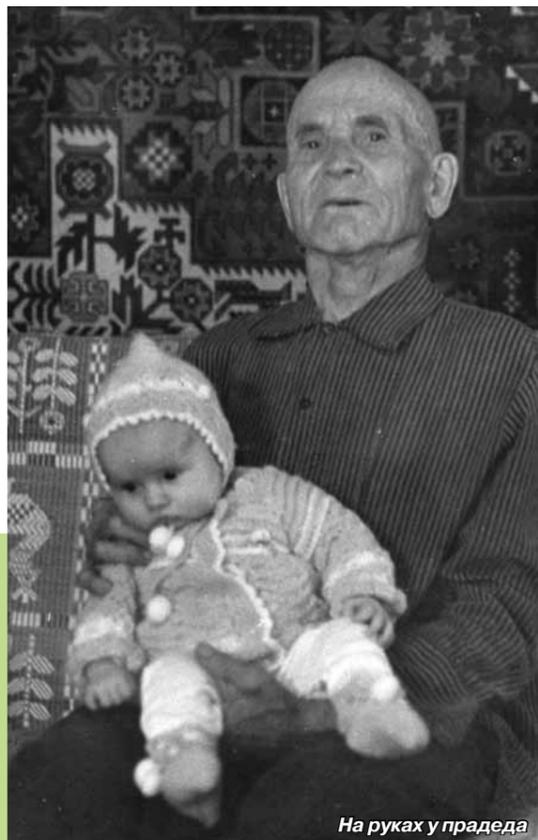
Лейсан СИТДИКОВА

Майскими короткими ночами...

Как и многие в эти дни, я захожу на сайт «Подвиг народа», чтобы в очередной раз попытаться выудить крохи новой информации о своих родных, воевавших в Великую Отечественную войну. Неожиданно компьютер выдает скан полуистлевшего архивного кусочка бумаги, исписанного фиолетовыми чернилами. Это наград-

ной лист на моего прадеда Идиатуллу Назипова.

7 мая, когда уже была подписана капитуляция Германии, он, как говорится в «кратком описании личного боевого подвига», в местечке Штёблау под Кенигсбергом обеспечивал подвоз снарядов на артбатарею. «Ефрейтор Назипов в боях за нашу Советскую Родину проявил храбрость, мужество и личную отвагу. <...> Под огнем вражеских мин Назипов галопом доставил снаряды батарее, которая к этому времени была без боеприпасов, и своей самоотверженной помощью обеспечил огонь орудий. <...>

На руках у прадеда

Когда здесь же разгорелся жаркий бой, Назипов готовил снаряды к стрельбе, оказал большую помощь сокращенному расчету. За мужество и отвагу достоин Правительственной награды – ордена Славы 3 степени. Но вместо ордена Славы 25 мая 1945 года ему вручили орден Красной Звезды. Вот так неожиданно накануне 70-летия Победы большая

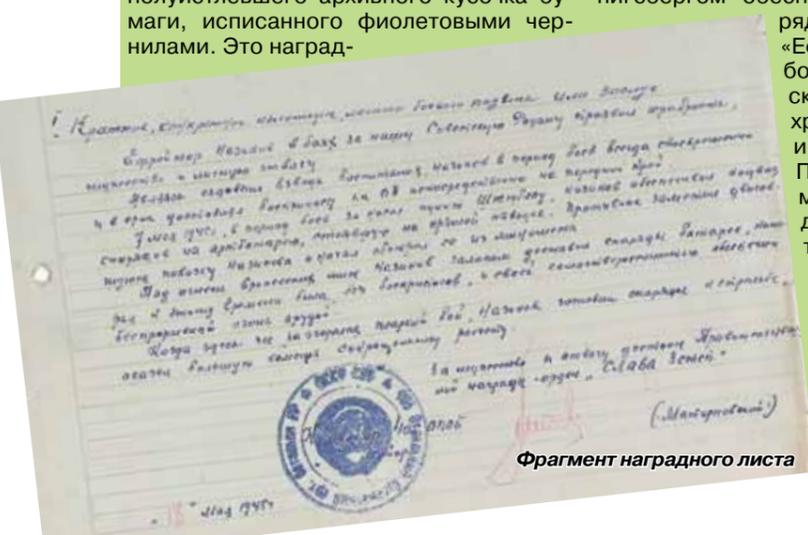
семья моего прадеда, а у него было 9 детей, узнала о том, о чем Идиатулла бабай никому и никогда не рассказывал, хотя прожил в относительно добром здравии до 91-го года.

Прадед был уникальной личностью, хотя бы потому, что на его век, век простого крестьянина из села Средние Юртуки Кузнечихинского района (сейчас Спасский район Татарстана), выпало повидать многое и чудом уцелеть в жерновах истории.

В 1918 году его мобилизовали в Красную армию. В составе «Железной дивизии» легендарного комдива Владимира Азина он участвовал в боях за Казань с белочехами, освобождал Елабугу. В окрестностях этого города Идиатулла был ранен. Но в лазарете он пробыл недолго и снова вернулся на фронт, получив приказ о зачислении в Татарскую стрелковую бригаду Чапаевской дивизии, где воевал против частей Колчака, участвовал в форсировании реки Белой и освобождении Уфы, гнал белочехов и колчаковцев до самой Сибири.

В 1921-м вернулся в родные Юртуки. Женился. В 1924 году у него родился первенец - дочь, моя бабушка Гельзэминэ...

Когда началась Великая Отечественная, он, как и многие в стране, думал, что она завершится быстро, коварный враг получит решительный отпор. Но видя, что уже и уборка урожая подходит к концу, а война все не заканчивается, сам пошел в воен-

Фрагмент наградного листа

Во время последних событий Сайде со всей своей семьей была схвачена фашистами. Ее пытали, угрожали расправой, но, невзирая ни на что, она продолжала делать то, что считала необходимым. На вопрос, было ли ей страшно, Сайде Сейд-Ариф Арифова отвечает: «Страшно?... У меня были сломаны кости, я столько раз ходила в гестапо, имела паспорт со штампом «неблагонадежна», мне запретили выходить из Бахчисарая... Нет, страшно уже не было. В такие времена страшно не бывает». Семье Арифовой чудом удалось спастись.

Но тем не менее 18 мая 1944 года Сайде Арифову и ее семью, как предателей Родины, выслали в Ургутский район Самаркандской области Узбекистана. Но перед выселением, она снова спасает уже однажды спасенных детей-евреев, на этот раз от советской депортации. Сайде показывает офицеру НКВД, спрятанные ею настоящие метрики детей, в которых говорилось, что на самом деле они евреи.

Все спасенные ею евреи ходили заступаться за нее во всевозможные инстанции: НКВД, воинские части, прокуратуру, — но ничего не помогло. В ссылку Сайде и ее родных проводило множество еврейских семей. Когда ее увозили в грузовике, они бежали за ней и кричали: «Отдайте нашу маму Сайде».

В годы советской перестройки Сайде Арифова вместе с сыном Мустафой вернулась на Родину — в Крым. Сайде-бита прекрасно пела старинные крымскотатарские песни. Ее советы, теплота и душевная чуткость поражали. После общения с таким удивительным и добрым человеком появлялось чувство окрыленности и гордости за свой народ!

Сайде-бита умерла 9 августа 2007 года на 91 году жизни. Похоронена на мусульманском кладбище в селе Чистенькая Симферопольского района.

13 февраля 2016 году исполнится 100 лет со дня рождения Сайде Арифой. Такие люди, как она, ни в коей мере не считали себя героями, они поступали так, как подсказывало им сердце и совесть.

комат добровольцем. Так в сентябре 1941-го Идиатулла Назипов попал на фронт.

Участвовал в боях за Сталинград, где был тяжело ранен. После двух месяцев, проведенных в госпиталях, вернулся на фронт, в 1943-м участвовал в битве на Курской дуге.

Весной 45-го мой друг оказался в Восточной Пруссии! О чем думал уже не молодой, 47-летний человек, за плечами которого было пять лет окопов и смерти, в теплый майский день, бросаясь под немецкий обстрел живой мишенью? Колебался ли? Екнуло ли сердце от страха? Думал ли о детях, оставленных на родине? А может, был уверен, что судьба или Аллах не допустят смерти, когда конец войны уже близок? И думал ли вообще?

После войны прадеда часто приглашали в школу с просьбами рассказать о войне, а в деревенском музее даже создали стенд, посвященный ему. Но он всегда был скуп на слова и все его рассказы ограничивались только последовательным описанием событий: что, где, когда, — не больше. Не было в его речи ни радостного воодушевления, ни описания военных подвигов — ни чужих, ни, тем более, своих. А на все вопросы он либо не отвечал вовсе, ссылаясь на тугухость, либо говорил, что ничего не помнит. А что с него возьмешь, старого человека?!

«Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои». Сегодня, перечитывая наградной лист Идиатуллы бабая, я думаю о том, что бои закончились, но история войны, ее лицо может поменяться для каждого из нас в любую минуту.

Ришат ХАЛИКОВ, советник руководителя полномочного представительства Башкортостана при Президенте РФ

ПЕРЕД ШТУРМОМ БЕРЛИНА

16 апреля 1945 года в четыре часа по берлинскому времени началась невиданная по мощи артиллерийская подготовка на подступах к Берлину. Но прежде чем на логово фашистов обрушился шквал огня, в подразделениях 39-й гвардейской ордена Ленина Киевско-Ровенской артиллерийской бригады прошли короткие митинги. Выступил перед бойцами и помощник начальника политотдела бригады, капитан Масгут Халиков:

— Дорогие гвардейцы! Сегодняшний день войны войдет в ее историю особой страницей. Мы с вами находимся перед Берлином. Сейчас весна, кругом зеленеет поля и леса, поют соловьи. Но все это в чуждой стране. Далеко на Востоке осталась наша Родина. Там ждут нас наши отцы и матери, жены и дети. Там наши родные края, где и соловьи поют красивее, и поля, и леса не такие, как здесь. Там ждут нашего возвращения с победой. На чужой земле нужны организованность и дисциплина, и мы должны довести правое дело до полного завершения...

В 1938 году М.Х.Халикова после окончания Башкирского финансово-экономического техникума призвали в ряды Советской Армии. С первых дней войны он на передней линии фронта. Участвовал в обороне Сталинграда, освобождении Украины, Польши, взятии Берлина... Особенно запомнился Масгуту Халикову бой под Берлином: «Штурмовать вражескую столицу предстояло войскам 1-го Украинского фронта. И они с честью выполнили свою задачу. А началась операция с небывалой артиллерийской канонады. В 4 часа утра 16 апреля загрохотали тысячи орудий, вступили в дело легендарные «катюши». В небе непрерывно гудели самолеты, засыпая бомбами укрепления врага...»

По поводу Берлинской операции и участия в ней артиллеристов маршал Георгий Жуков писал: «На первый день было запланировано только для артиллерии 1 197 000 выстрелов. Фактически было произведено 1 236 000 выстрелов. 2 450 вагонов снаряда, то есть почти 98 тысяч тонн металла, обрушилось на голову врага».

«...Помню, наш первый дивизион обстреливал Бранденбургские ворота Берлина. И когда позднее наши гвардейцы ездил на поверженный Берлин на экскурсию, старший лейтенант Дмитрий Белокопытов пытался отыскать там осколки снарядов своей батареи.

Умело и точно вели огонь артиллеристы бригады. За высокое мастерство личного состава при прорыве Нейсенского оборонительного рубежа под Берлином она была награждена орденом Ленина. А потом, 25 апреля, наши войска встретились с американцами на Эльбе. Командованием 13-й армии, куда входила бригада, было разрешено пригласить их в нашу гвардейскую часть. Конечно же, мы провели должную подготовку. Почистили снаряжение, пришили свежие подворотнички... Гости прибыли к нам 3 мая. Поначалу они задавали много вопросов. А узнав, что мы с боями прошли огромный путь от Москвы до Берлина, были нами просто восхищены. После плотного солдатского обеда с «наркомовскими» участниками встречи обменялись фотографиями. А потом появился бабя, и зазвучала на Эльбе знаменитая наша «Катюша»...

Часто вспоминал ветеран о войне, о

фронтных друзьях-товарищах: «Годы службы в рядах Красной Армии, а затем Великая Отечественная. Это даже не страница, а отдельная глава в книге жизни. Здесь я понял цену искренней солдатской дружбы. И сегодня продолжаю переписываться с фронтными друзьями, хотя многие из них теперь оказались в странах ближнего зарубежья. В горячие дни 1942 года под Сталинградом получил тяжелое ранение. На Сандомирском плацдарме за Вислой нам пришлось вести жестокие бои, отражая многочисленные танковые атаки врага. В этих боях летом 1944 года был представлен к первой боевой награде — ордену Красной Звезды. Участвовал в боях за взятие Берлина, а окончил войну в Праге, где мы отметили первый раз День Победы...»

Масгут Хабибрахманович продолжает: «Думая о прошлом, вспомнил об одном эпизоде из своей жизни. Это было в тяжелое время войны. В начале октября 1942 года нас, раненных под Сталинградом, везли в санитарном поезде на восток через Уфу. Узнав об этом, захотел что-нибудь купить на память. Увы, ничего не вышло. Поезд проходил через город глубокой ночью. Шел дождь со снегом. И вот тогда медсестра, чтобы успокоить меня, принесла с вокзального перрона кусочек уфимского хлеба, обмененного на порцию табака (как внимательные были наши сестры милосердия!). Я был бесконечно благодарен, но все равно мне было тяжело и грустно. Проезжать мимо и никого не встретить, ни с кем не поговорить... Так было мое чувство глубокой любви к родному городу и родному краю».

Масгут Хабибрахманович Халиков родился 14 апреля 1918 года, а умер 14 октября 2006 года. Стал он почетным гражданином города Уфы. В мартовские дни 1998 года, когда ему присвоили это почетное звание, он вспоминал: «Я житель Уфы с 1931 года. Тогда приехал сюда из родного Чекмагушевского района учиться в пятый класс. Помню тогдашнюю Уфу: ее тихие, а ночью темные, неосвещенные улицы. Лишь кое-где изредка появлялись ломовые и легковые извозчики на своих лошадях. На улице Карла Маркса между улицами Чернышевского и Коммунистической (тогда это была улица Егора Сазонова) находилась небольшая электростанция (движок), которая подавала гудки в 9 утра, как бы предупреждая о начале работы...»

Но я помню Уфу и более позднего периода, в самые лучшие годы моей трудовой жизни. Это был период, когда строилась большая Уфа после присоединения к ней Черниковки в 1956 году. В 60-70-е годы строилась самая длинная ее улица — проспект Октября, фактически соединившая северную и южную части большого города. Теперь здесь проживают сотни тысяч уфимцев. На моих глазах умелыми руками строителей создавался город с гигантами нефтехимического комплекса и уникальными заводами авиационной промышленности».

Понятно, что после демобилизации из армии в сентябре 1946 года М.Х.Халиков вернулся в родную Уфу. Получил образование в двухгодичной областной партийной школе. И потому финансист по профессии, фронтовик, прошагавший с боями пол-Европы, стал секретарем горкома партии в городе Октябрьском.

«... Город еще только строился. Пом-

ню, как по колено в грязи, в резиновых сапогах добирались на работу. Тогда на освоение Туймазинского нефтяного месторождения съехались люди с разных концов страны. Кроме башкир, татар, русских с нами работали азербайджанцы и армяне, а также немцы и чеченцы, высланные сюда из родных мест, и, должен сказать, мы жили в дружной многонациональной семье. В 1996 году мы отметили 50-летие своего красивого, утопающего в зелени города с более чем стотысячным населением. Построить город — разве этого мало? И думаю, что в этом есть и доля моего труда.

... Расположенная между трех рек, Уфа имеет особую прелесть. А ведь были времена, когда именно по этой причине попасть в город было просто невозможно. Люди, прибывающие на лошадях, могли переправиться лишь на маленьких паромах, да и то после весенних паводков. Первый автомобильный мост через Белую был построен в 1956 году у Оренбургской переправы. Его открытие превратилось в настоящий праздник не только для уфимцев, но и для всех жителей республики. В то время я работал первым секретарем Кировского райкома партии. Сегодня берега Белой в черте города соединяют четыре красавца-моста, я же бережно храню кусочек ленточки с открытия того — первого.

Мне посчастливилось трудиться и в штабе большой башкирской нефти — объединении «Башнефть». Его промыслы тогда давали стране более 40 миллионов тонн нефти. Славный коллектив башкирских нефтяников был школой, которая готовила квалифицированные кадры для освоения новых месторождений в Татарии и Тюмени...»

А с 1960 по 1976 годы Халиков беспрерывно был секретарем Уфимского городского комитета партии, потом — министром культуры Башкирской АССР.

Мне довелось знать Масгута Халикова, встречаться с ним. Дело в том, что мне поручили дежурство по выпуску первого номера «Вечерней Уфы», а он курировал газету, читал материалы, которые планировались в этот номер. Помню, он часто бывал в редакции, интересовался работой журналистов. Был скромным, немногословным, поэтому добавить к его портрету какие-то новые штрихи сложно. Довелось видеть М.Х. Халикова на разных торжествах, на встрече Почетных граждан Уфы. Даже в самые торжественные дни на его костюме никогда не было орденов и медалей. Вот таким чрезвычайно скромным был он человеком. Поэтому не все знали, что он за боевые и трудовые заслуги перед Родиной был награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Красной Звезды, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалями: «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» и другими. Словом, он был необыкновенно преданным сыном своей Отчизны, типичным представителем поколения победителей.

г. Уфа

Гумер ИЗМАЙЛОВ

ИЗ ЗАПИСОК БЫВШЕГО ВОЕННОПЛЕННОГО

В первые же месяцы войны наша часть оказалась в окружении, и нас фашисты беспощадно истребили. Мы – пятеро изможденных солдат – после нескольких дней скитания решили в поисках пищи пробраться в одну из деревень. При абсолютной темноте попали прямо в логово под стрекочущие пулемёты. Оказались на расстоянии 8-10 шагов, когда нас осветили прожекторами и окликнули. Такова картина нашего пленения.

Нас отправили в специальный концентрационный лагерь в Могилеве, их называли Шталаги (от нем. Stammlager). В лагере нас только били, не кормили. Оттуда отправили в Оршу, где развалины тюрьмы служили пересыльным пунктом. И здесь только били, не кормили. Через несколько дней оказались в Молодечно – в лагере на территории какой-то войсковой части Красной Армии. За 8 дней дали около 800 г хлеба и по банке воды. К этому времени я уже еле двигался. От Молодечно до Гродно везли по железной дороге. В Гродно расстреливали евреев. Меня также признали за еврея-комиссара. Требовали снять штаны. Спас астраханский татарин, который подтвердил, что я татарин. Офицер СС, говоривший по-русски, нещадно матерясь, угрожал всё равно расправиться со мной. Из Гродно до Сувалки где-то больше 100 км шли пешком. Я прошёл 10 км и свалился. Всех сваливающихся пристреливали, т.к. две подводы были полны больными и ранеными. Меня не стал расстреливать старый немецкий солдат. Почему? Не знаю. Дождь подводу, и положили на место уже умерших, которых выбросили.

По дороге некоторые ели грибы. В промежуточном лагере (деревня Гусятино) несколько человек сошли с ума. Один молодой солдат лет 16-17 с криками «Мама-мама», бросился на колючую изгородь и тут же был пристрелян с вышки.

При раздаче пищи в Гусятино, по половинке консервной банки похлебки гречи и куску хлеба, я остался лежать на чистом поле один, т.к. не мог уже двигаться. Меня осмотрел врач-пленный (грузин по национальности) и после того, как начался дождь, поместил вместе с генералом и полковниками в конюшню. Остальные остались на открытом воздухе. Тут я обменял (продал) солдату немцу за кусочек сала и пакет сухарей ремень и авторучку. На моё счастье это было в субботу. В воскресенье немцы не конвоировали. В понедельник с самого начала я уже не мог идти, тот же старый солдат снова положил меня на повозку. Так я попал в Сувалки.

При переходе через августовские леса были сделаны по-

Измайлов Гумер Ахатович (17.09.1914 г.) родился в семье военного фельдшера в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ). После окончания 8-го класса переехал в Казань, где работал на строительстве Казанской электростанции, одновременно учился на рабфаке. С 1933-1939 гг. – студент Ленинградского института инженеров связи (ЛИИС). В январе 1940г. был призван в армию и воевал в советско-финскую войну на Карельском перешейке в качестве командира роты связи. Затем, с первых же дней войны участвовал в боях на Западном фронте. После уничтожения наших частей в окружении под г. Жлобином (Белоруссия) попал в плен в августе 1941 г. Прошел несколько пересыльных пунктов, находился в концентрационных лагерях Германии, работал на одном из секретных заводов Сименса. В апреле 1945 г. был освобожден из плена нашими войсками. Хорошо владел немецким. До января 1946 г. работал переводчиком в Советской Военной Администрации в Берлине (в/ч №66555). В сентябре 1946 г. репрессирован по сфальсифицированному обвинению в принадлежности к группе «Идель – Урал»; был осужден по ст. 58-1 «Б» на 10 лет с поражением в правах на 5 лет.

В лагере руководил группой по разработке аппаратуры засекречивания телефонных переговоров. Разработка такого плана «тянула» на сталинскую премию. Разумеется, заключенных не стали награждать, и группа разработчиков получила самую дорогую награду – свобода. Верховный Суд СССР в сентябре 1951г. снял судимость с Измайлова Г.А. Именно он вынес рукописи «внутрилагерного архива» Солженицына А.И. (об этом см. в кн. Сараскиной Л.И. «Александр Солженицын», 2008, стр. 345 А. в серии ЖЗЛ, где подробно приведена опись этих рукописей). Солженицын в своей книге «В круге первом» вывел его в образе Амантая Булатова.

С августа 1954 г. до самой смерти (06.02.1976) Измайлов Г.А. работал в Центральной лаборатории автоматизации Министерства черной металлургии в качестве зав. группой, зам. начальника лаборатории, а затем (с 1968 г.) начальника лаборатории автоматизации кислородно-конверторного производства. За внедрение своих разработок по автоматизации на ряде крупных металлургических комбинатов был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1971 г.). Он автор более 40 опубликованных работ, из них 14 – авторских свидетельств СССР, 4 патентов в ФРГ, Англии и Франции.

Поразительно в этом человеке то, что он не сломался после тех испытаний, которые он выдержал. Он сам поражался этому. Но он выжил, создал семью и сколько пользы принес своей стране, сохранил имя достойного сына нашего народа. Я лично знала семью Измайловых. Гумер Ахатович был внешне красивым, добрым и душевно богатым человеком. А сколько было в нем оптимизма!!!

Мариям Давлетшина

пытки бежать, но бежавших тут же расстреливали.

В Сувалках было открытое место, огороженное колючей проволокой, разделенное на отсеки. В отсеках помещались рядовые по национальному признаку, офицеры – все вместе, за исключением полковников и генералов. Их было человек 16, и они жили в бараке, рядом с управлением лагеря. С конца сентября до конца ноября мы жили под открытым небом. Голыми руками копали ямы и в них спали. Были случаи обвалов и гибели людей в этих ямах. Песок на территории лагеря был смешан со вшами. Мы били вшей между камнями, сгребали горстями. Дневной паек – две картошки в горячей воде и 200 г хлеба. При таких «жилищных» условиях и нашей наготе этого не хватало.

Из 25 тысяч плененных через два месяца нас осталось в живых 2 тысячи человек. Умирали по 350 человек в день. Лес у Сувалки хранит не менее 100 тыс. скелетов наших людей. В основном умирали от дизентерии и тифа.

В этом же лагере со мной был такой случай: я перешел на кухню одному французу свои часы в расчете на получение продуктов. Но на следующий день французов сняли с кухни, и он не мог передать вместо часов ничего. Он вернул часы в наш блок через немцев. Начальник лагеря приказал передать часы владельцу, всыпать ему 100 палок. Наконец было установлено, что это мои часы, и мне положено подвергнуться этой экзекуции. Думаю, чтобы умертвить меня, тогда достаточно было бы и 10 палок. Тут меня осенила мысль обратиться к переводчику нашего барака, армянину по национальности, который владел немецким в объёме программы 7-го класса. Он написал заявление в пару строк на ломаном языке, в котором указывалось, что я не выдержу этого наказания, поэтому прошу отменить её. Начальником нашего блока был капитан лет 55-60, бывший до войны офицером. Он относился к русским благожелательно и по сравнению с остальными немцами казался ангелом. Он был единственным немцем, который посещал нас, когда лагерь был объявлен в карантине, и сам заболел тифом, заразившись от нас, и умер. Вот благодаря заступничеству этого капитана было отменено наказа-

ние в 100 палок. Как видится, не все немцы жестокие, хотя мне пришлось видеть много зверей, чем людей, среди охранявших нас солдат и офицеров.

Помню такой случай. Вдруг один из часовых вскинул ружье и застрелил пленного кавказца совершенно без видимой на то причины. Потом выяснилось, что он по телефону поссорился не то с невестой, не то с женой.

Некоторые смены солдат, особенно молодые, издевались и убивали людей ради удовольствия. Во время поверки, человеку, стоявшему не совсем правильно в первом ряду, втыкали штык в живот и потом хвастались: «Вот любуйтесь «Шталин блют» (Сталинская кровь). Особенно отличался один молодой и косой Гайнц.

Хорошо относились к пленным солдаты-австрийцы старшего возраста. В числе оставшихся в живых разноплеменного состава в конце ноября 1941 года я попал в лагерь Шталаг III А в Луккенвальде. Здесь условия жизни показались нам «райскими». Длинные бараки лагеря вмещали по 300 человек. Нары в 3 этажа, соломенные матрасы...

В отдельных блоках лагеря размещались французы, англичане, американцы, югославы и советские военнопленные. Кроме советских, остальные военнопленные общались между собой, от родных и Красного Креста ежемесячно получали посылки.

Наше питание состояло из кипяченой воды с несколькими кусками неочищенной брюквы и 200 г хлеба из древесной муки. Иногда давали по чайной ложке жидкого повидла красного цвета без ягод. Мы думали, что это искусственное повидло из красителей, желатина и сахара.

В блоке свирепствовал тиф. Умирало по 50-55 человек ежедневно. Числа 22-23 декабря 1941 г. я потерял сознание, и меня, как умершего, поволокли на улицу складывать в штабель трупов. А там мороз около 20 градусов. Но опять врач-грузин решил проверить мой пульс. Пульс не нащупывался, тем не менее меня забросили на цементный пол, под нижние нары. Через 12 суток, т.е. уже в 1942 г. я открыл глаза, и меня перенесли на нары. Стали поить и кормить. Самостоятельно я начал кушать только через месяц и только через три месяца начал ходить в преде-

лах барака. Когда нас повели в баню, я увидел, насколько живуч человек. В бане за 10 месяцев я был один раз и то в порядке дезинфекции одежды, после тифа. На наших скелетах была только одна кожа. Мы падали от ветра. Даже через 4 месяца я не мог подняться на 3 ступени.

Тиф прекратился только в мае-июне 1942 г., когда все переболели. Из 10 тыс. осталось в живых не более 2-3 тыс. человек. Я выжил только благодаря помощи всё того же врача-грузина, который спас меня в Гусятино. Я лежал в тифозном бараке 6 месяцев, он помогал мне хлебом, похлебкой, т.к. порции умерших доставались медицинскому персоналу.

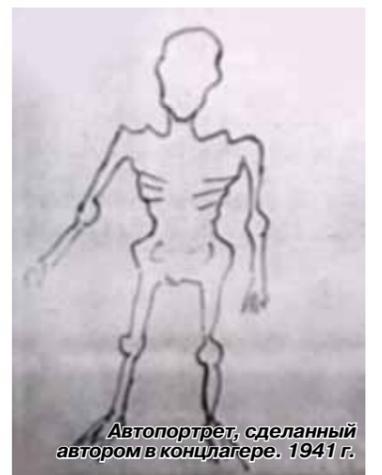
Я родился в г. Улан-Удэ (бывший Верхнеудинск). Мои деды и прадеды либо каторжане, либо сосланные. Рос и воспитывался я среди русских и поэтому до 1951-1952 гг. я мало знал о татарской литературе. Моё знакомство с татарской литературой до войны было ограниченным: это томик Тукая (изд. 1921-1922 гг.), некоторые романы Ибрагимова, сборник Ш. Бабича, томик Х. Такташа. Поэтому, когда я познакомился с Мусой Джалилем в лагере, для меня он был таким же смертным, как скажем, Р. Саттаров – работник редакции «Яшь ленинчы» и др. Джалиль сразу же рассказывал о себе, кто он, как попал на фронт, о семье, о дочери. Показывал фотографию жены и дочери. Из обстоятельств его пленения я запомнил твердо одно, что он был высажен (десант) в тыл врага вместе с частью. Часть была разгромлена. По неписаному правилу считалось не тактичным спрашивать подробности пленения. Поэтому я тоже его не расспрашивал об этом. Помню также из его слов, что он на первых порах выдавал себя за Гумерова, это особенно памятно, так как меня зовут Гумером. Он говорил, что Гумеров это фамилия, которую он мог присвоить с полным правом, так как среди его родных были Гумеровы и Гумеры. Я частенько напевал, вернее, мурлыкал про себя, песню «Сагыну», так как очень люблю и слова, и мотив песни. Муса однажды поправил меня, что я не совсем верно воспроизвожу текст. Я начал оспаривать свою правоту, ссылаясь на своего дядю, который научил меня

петь эту песню. А дядя для меня был большим авторитетом в области татарской музыки и песни. Каково же было моё удивление, когда Муса заявил, что текст песни принадлежит ему, и, наверное, ему лучше знать, чем моему дяде. Тут я сдался и был очень и очень смущён, как своим невежеством, так и нетактичностью. После этого случая Мусу я возвел на очень высокий пьедестал, для меня он уже становился где-то рядом с Тукаем, раз он был в состоянии затронуть мою, довольно черствую, далекую от искусства душу инженера. В беседах я узнал также, что он является автором либретто опер «Ильдар», «Алтын чэч». Муса мне кратко рассказал содержание этих опер. Часто беседы наши проходили в присутствии других товарищей. И казалось, что он мне еще не очень то и доверял.

В начале 1943 г. я оторвался от Джалиля и его товарищей, и поэтому о его дальнейшей судьбе знал уже только понаслышке. О моем намерении идти на завод он знал. Я решил воспользоваться своим инженерным образованием для ухода от работы с Шафи Алмасом и Ко. В одну из поездок в Берлин я посетил завод Сименса, и там, к моему удивлению, мне предложили работу по ремонту измерительных приборов. По запросу завода, после многих споров, уговоров всё же лагерное начальство согласилось отпустить меня на завод. Это был беспрецедентный случай. Алмасы разозлились и увидели в этом скрытый бунт. Для ограждения от уже надвигающейся кары я был вынужден ускоренно вступить в связь с дочерью одного невозвращенца с первой мировой войны М. Махмудова и рекламировать эту связь. Мне доподлинно известно, что Ш. Алмас сказал: «Счастье Исмагила (так звали меня), в том, что он стал зятем Мутыга, иначе я показал бы ему, где раки зимуют». Это я узнал от Саматова Раиса, одного из самых преданных слуг Ш. Алмаса. Но спустя некоторое время Ш.Алмасу всё же удалось через полицию отобрать у меня разрешение на право жительства вне лагеря, и я вынужден был вернуться в лагерь. В те дни начались массовые воздушные налеты на Берлин, и наш завод был уничтожен. А я вместе с оставшейся частью завода был перебросен в село Штатдильм Тюрингия. На моё счастье там не было лагеря для военнопленных, и нас – 6 французов, 1 бельгийца и 1 татарина разместили по частным квартирам.

Я таким образом отошел и от М. Махмудова, людей его круга, куда входили портной Мухиб, угольщик – башкир (фамилию не помню), и еще один татарин работавший переплетчиком.

После моего ухода из-под власти Ш. Алмаса, меня приписали в один из лагерей. В первые годы режим в лагере был строгий. Выход в город был только по

Автопортрет, сделанный автором в концлагере. 1941 г.

пропускам на ограниченное время и то больше по воскресеньям и обязательно с повязкой или нашивкой «Ost».

Начиная с 1943 г. режим был ослаблен. Рабочие свободно входили и выходили в течение дня. С 9 вечера ставилась охрана, и выход был только для идущих на работу. Зарботки рабочих в лагере были ниже зарботков немцев на тех же работах в 2-3 раза; кроме того, были вычеты на питание, койку.

К концу войны лагеря «Ost» были построены по национальному признаку: украинские, белорусские, русские со своим знаком различия.... В Берлине в это время более свободно, чем в лагерях «Ost», жили чехи, французы, итальянцы, голландцы, бельгийцы, словаки и др. Поляки жили почти в тех же условиях.

Евреи жили на частных квартирах, но это были одиночки-специалисты, за которых держались хозяева. Они выглядели очень жалкими, всех боялись, ни с кем не вступали в разговор, чувствуя свою обреченность. Они носили огромную шестиконечную звезду, окантованную черным с надписью «Jude». Для них были специальные магазины. На магазинах, в парках, ресторанах были надписи «Вход жидам, полякам и собакам строго воспрещается».

Я видел расстрелы евреев. При мне повесили 4 поляков, обвиненных в людоедстве, якобы они ели труп умершего товарища. Я видел, как в специально отведенном блоке (это было и в Сувалках, и в Луккенвальде) СС-овцы нещадно издевались над евреями, заставляя их ползать, таскать мешки с песком с места на место, ходить гусиным шагом. Всё это делалось на виду всего лагеря для устрашения.

После покушения на Гитлера (20 июля 1944 г. - Прим. ред.) их всех убили, и уже больше я евреев не встречал.

Участки евреев подвергались люди, пытавшиеся бежать, или пойманные с погони. Люди в лагере сходили с ума. Умирили тихо. Просыпаешься, а сосед уже скончался. Сколько чудесных людей закончили жизнь в этих лагерях. У меня отшибло память. Я забыл буквально всё, вплоть до событий, совершавшихся со мной в зрелом возрасте, во время службы в армии. Я позабыл номера частей, где служил, фамилии своих начальников, товарищей, впоследствии мне стоило больших трудов вспоминать это перед следственными органами. Даже сейчас, когда мои родители вспоминают события, связанные со мной до войны, мне часто кажется, что люди сочиняют небывшие, т.к. я совсем всего этого не помню. Мне заново пришлось учить свою специальность, английский язык, а многое полезное и нужное подчас я до сего времени не восстановил. Таковы последствия глубокой и длительной дистрофии - истощения с невозвратными изменениями в организме. Я теперь «владелец» всех хирургических, стоматологических, неврологических и терапевтических заболеваний, они реально диагностированы врачами.

Во время войны в Берлине было много иностранцев, в основном перемещенные лица. Были тут и спекулянты, жулики, рецидивисты. Основные места скопления - Александр-плац и площадь перед Анхальтер-Банхофом (вокзалом). Тут редко можно было услышать немецкую речь. Говорили на итальянском, испанском, французском, английском, датском и др. языках. В этой среде было сравнительно легко вести разведывательную работу про-

тив Германии. Очень легко можно было устроиться в любой лагерь «Ost». Так делали многие военнопленные, бежавшие из лагерей. Полиция, как и все чиновники в Германии, продажная. В этом я убедился на следующем примере. Как-то познакомился с одним азербайджанцем по фамилии Фадашев? (так себя называл). Он бежал из лагеря. Занимался спекуляцией. Документов на руках у него не было. Частенько приходил ночевать к М. Махмудову. Я с ним вместе ходил в полицию, когда он решил, во что бы то ни стало получить паспорт по поддельным документам, которые я ему отпечатал под диктовку Эрким (дочери Махмудова). Печать мы сделали тоже сами. Он сунул чиновнику 100 марок и несколько пачек сигарет. И к моему великому удивлению, через 3-4 часа ему принесли свеженький паспорт. После этого он подделал сотню документов (талон на одежду, обувь и т.п.) и получил по ним продуктовые карточки, карточки якобы для команды военнопленных, следующих во влассовскую часть. Он помогал и мне, и Махмудовым продовольствием. Бесстрашие его было на редкость. Он иногда появлялся в плаще и фуражке офицера немецкой армии с документом на влассовца, и всё это была подделка. Думаю, что он ни в одной организации не состоял, просто врожденный рецидивист с артистическими способностями и смелостью. У него была очень привлекательная внешность. Говорил, что для немца печать это - приказ. У него была печать с перевернутым изображением (снятая с другого документа методом слюны и языка), и по этому документу получал сотни продовольственных карточек в различных городах Германии. Разъезжал совершенно свободно, хотя по немецкий говорил очень и очень плохо.

Начались регулярные бомбардировки Берлина. Участвовало свыше 1000 самолетов. Налет повторился на следующий день и ещё через день. В результате этих бомбардировок, казалось, что Берлин полностью уничтожен. Горело всё. Метро не работало. Надземка тоже. Автобусы не ходили. Мосты взорваны. Улицы завалены. Если до ноября 1943 г. немцам удавалось сбивать много самолетов, то после ноября немецкая ПВО полностью была подавлена, и американцы начали бомбить среди белого дня и непременно во время традиционного немецкого обеда с 12 ч. 20 мин. до 12 ч. 30 мин. Американцы прилетали по 2 тыс. самолетов Б-2У иногда Б-36. Только от рева моторов лопались стекла окон в домах и останавливались часы от сотрясения земли. Никакая стрельба зениток, покрывавших небо черной завесой в течение секунды, не расстраивало парадного строя самолетов.

Несколько слов о немцах. Ближе к концу войны рабочие в своем большинстве уже были настроены против войны, фашизма, Гитлера. Мне без стеснения говорили анекдоты против фашизма, расспрашивали о жизни в Советском Союзе. А сам я был ярким экспонатом политики нашего государства, татарин и дипломированный инженер. У многих это вызывало невероятное количество вопросов по национальному вопросу, о праве на образование, безработице и т.д. Нужно иметь в виду, что среди немцев дипломированных инженеров было очень мало.

Я очень быстро узнал, с кем можно быть откровенным, и кого остерегаться. Об этом меня информировали. Число людей, с которыми я говорил о Советском Союзе, о жизни, учебе, работе увеличивалось с каждым днем...

Хаджи АБДУЛЛА ДУБИН

КОРРЕКТОР МОЕЙ СУДЬБЫ

Этому мудрому аксакалу, с которым в обнимку стою в этом фотографическом снимке, я благодарен за свою казанскую судьбу. Именно Загид Батырович Файзуллин остановил меня от крамольной и безвестной будущности в начале 80-х годов прошлого века. Как это было?

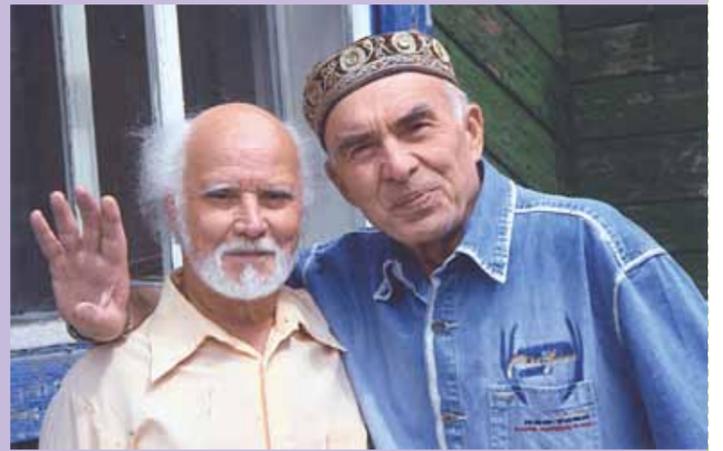
В период становления Татарского телевидения в начале 60-х годов четыре штатных диктора, по паре на татарском и русском языках, вели все программы, подготовленные творческим коллективом телестудии. С годами активно расширялись горизонты телевидения, появились ведущие по отраслевым передачам. К концу 70-х штат дикторов достиг девяти человек, это при резком снижении их востребованности. До 3-4 свободных дней в неделю выходило порой на долю казато. Но, как известно, природа не терпит пустоты. Безделье - это не только застой, но и откат от достигнутого, элементарное разложение. При такой «свободе» была возможность сотрудничества по совместительству в любой творческой организации. Диктор-профессия штучная! Увы, при бюрократической системе тех лет в обязательном порядке требовалась справка с основного места работы с разрешением на право совмещения. Естественно, каждому приходилось изощряться, хитрить, договариваться, находить общий язык с теми, кто готов был воспользоваться услугами творческих личностей. Не всем это удавалось. Расплата была жесткой и беспощадной. 27 июля 1982 года не стало моей талантливой коллеги, соведущей Ирке Сакаевой. Ей было всего 43 года. Эта цифра оказалась в нашей творческой судьбе роковой. Спустя два года в канун моего 43-летия состоялся конкурсный шашаб для устранения меня с экрана. Не стал возражать, сам написал заявление на участие. За плечами уже было 23 года плодотворного труда, высшая дикторская категория, что определялось лишь квалификационной комиссией при Государственном комитете по телевидению и радиовещанию СССР во главе с ассами советского телерадиовещания Ю.Б. Левитана, И.Л. Кириллова, О.С. Высоцкой и В.М. Леонтьевой. К слову, последние встречи с «духовным наставником» Левитаном состоялись у меня в Москве на очередном Всесоюзном семинаре повышения профессионального мастерства в ноябре-декабре 1982 года. Запомнился наш диалог на одном из занятий по логике речи.

- Вас, Абдулла Ибрагимович, наверное, в вашей Татарии на руках носят! - сказал он как-то.

- С чего это, Юрий Борисович? - удивился я.

- Да как может быть иначе? У Вас образцовая русская речь, классическое мусульманское имя и типично славянская фамилия. Абдулла Дубин - это ведь в эфире как озвученное знамя интернационализма. Нарочно не придумаешь...

К сожалению, в следующем году он скончался, так и не узнав о судьбе этого «знамени». Что такое творческий конкурс в те годы известно наверняка каждому. За столом лицемерное дифирамбное обсуждение, при тайном голосовании - все с точностью до наоборот. Таким образом, мое место занял молодой человек, рожденный в тот год и день(!), когда я только начал работать на Казанской студии телевидения. В итоге, за отказ от ресторанный образ жизни, за нежелание спиваться от безделья, за трудолюбие и обязательность оказался не у дел. Разочарование было столь велико, что, в конечном счете, решил навсегда покинуть Казань. Характерно к тому же, что после того как меня «ушли» не раздалось ни одного звонка, не нашлось ни одного

чиновника, кто бы просто из любопытства поинтересовался причиной моего исчезновения с экрана. А ведь, еще только вчера, казалось, все меня обожествляли. Сам не стал никуда обращаться. Грешен, кто в обиде. Что Бог дает, то к лучшему решил я. По случаю моего ухода сочинили разные сплетни, появились невероятные слухи. Как известно, счастливый человек - всем враг. К счастью, к тому времени судьбой я был подстрахован завидным хобби - филокартией, собиранием раритетных открыток. К настоящему времени как автор-составитель и редактор я успел подготовить и издать подарочные фотоальбомы «Казань на старинных открытках» (1995 г.), «Казань историческая» (2004 г.), «Астрахань историческая» (2006 г.), «Старая Волга. Ее люди, Ее суда, Ее судьба...» (2011 г.), «Старая Казань и ее окрестности» (2012 г.), а также около 30 различных цветных и черно-белых буклетов с содержанием от 30 до 56 сюжетов в каждой. Эти труды неподатливы капризам эпох. Они вечны, потому что стареет только новое, старое никогда не стареет, а старина со временем становится ещё и ещё дорожее. Все эти достижения и есть заслуга человека, имя которого я уже упомянул в начале... Ровно через полгода после всех бурных событий я окончательно решил покинуть город. Теплым майским днем 1985 года я шел на речной вокзал заказывать контейнер для перевозки имущества. Вот на этом пути и встретился Загид Файзи. Именно он окропил тогда меня своей мудростью, духовными размышлениями, мыслями о значении выдержки и терпения в судьбе каждого человека. Ибо лишь на дне терпения чистое золото и что униженного людьми, возвышает Бог. И трудности Он посылает больше тем, кого любит, ибо каждая трудность это испытание, экзамен на прочность, зрелость, пройдя которые человек становится на ступень выше, чище и благороднее. Так оно и случилось. Уже через 5 лет я получил духовное звание Хаджи, не имея при этом ни единой советской регалии, кроме invalidности по зрению. Выросший в большой, многодетной семье 14-м ребенком, я не был приучен к холуйству и лицемерию, имея на всё собственное мнение. Еще через 10 лет вышел на большую арену журналистского труда, чем и занимаюсь до сего дня.

15 февраля 2013 года Загиду Файзи исполнилось бы 80 лет. 10 февраля 2013 года при подготовке своего юбилея он в пригороде Казани, в Дербышках, трагически погиб под колесами автолихача. Воистину, завтра - не в нашей власти! Загид Файзи - этот незаурядный человек был автором 7 книг: романа, повестей, поэм, множества рассказов и стихотворений. Более двух десятков его стихов переложены на музыку видными композиторами - Р. Яхиным, А.Бакировым, С.Садыковой, С. Ибрагимовым, Р. Курамшиным... Все эти произведения приняты в фонд республиканского радио, опубликованы в сборниках песен. Повести «Повороты судьбы», «Тоска», «Месь», «На дне» получили широкий резонанс читательской аудитории.

Взять интервью у одного из главных действующих кардиохирургов России академика, заместителя генерального директора Российского кардиологического научно-производственного комплекса Минздрава здравоохранения РФ по хирургии, лауреата государственных премий СССР и РФ Рената Сулеймановича Акчурина оказалось не так просто: всю первую половину каждого дня хирург проводит в операционной.

— Ренат Сулейманович, что сложнее — лечить сердце или душу?

— Наверное, душу. Это ведь многолетнее лечение. Бенджамин Спок писал: когда ребенок родился, вы уже опаздываете с началом его воспитания. Ребенка надо воспитывать еще в утробе матери, формировать душу. И мама — первый человек, который этим занимается. Так что с сердцем немного проще.

— В России среди основных причин смертности сердечно-сосудистые заболевания прочно удерживают первое место.

— Так дело обстоит везде, на всех континентах и во всех странах: и в Америке, и в России, и в Австралии. На сердечно-сосудистые заболевания приходится самая высокая доля смертности, почти 60%. И, несмотря на усиленную многостороннюю работу правительств разных стран, всевозможные профилактические мероприятия, тенденции к снижению нет.

— Профилактика эффекта не дает?

— Дает, но иногда не совсем тот. Хорошо работает реклама здорового образа жизни. Например, в Финляндии народ понял, что трезвость и физическая активность приводят к долголетию, и поэтому перестал пьянствовать. Это уже победа. Снизилось ожирение и сразу упало число фатальных инфарктов. Подобное прослеживается и в России, хотя число операций с каждым годом растет.

Государство поднимает цены на алкоголь, и это тоже правильно. Если ты такой ценитель, купи лучше немного качественного напитка и оцени его вкус, а не заливай в свой организм спиртосодержащую жидкости низкого качества.

Так что профилактика постепенно приносит плоды. Самое главное — не снижать темпов и двигаться вперед. Не сокращать финансирование здравоохранения, что сегодня очень актуально, не уменьшать усилий по профилактическим мероприятиям, продолжать серьезную работу по формированию общественного мнения.

— То есть мы пришли к обратному: профилактика актуальнее и важнее лечения?

— Правильнее сказать, что она не менее важна, чем лечение. Нельзя забывать и о реабилитации после лечения. Больной, прошедший нормальную реабилитацию после операции на сердце, будь то коронарное шунтирование или замена клапана, чувствует себя гораздо лучше. И качество жизни у него повышается, и работоспособность растет.

— Вкладывать в реабилитацию для государства экономически выгодно?

— Совершенно верно. Сейчас Минздрав разрабатывает стандарты реабилитации.

— А в советское время как было?

— Тоже плохо, но с лечением было еще хуже, поэтому мы старались уйти от той печальной ситуации, когда на весь Советский Союз на 240 млн. населения приходилось 10-12 тыс. операций на сердце в год. Сейчас в России делается порядка 50 тыс. операций на 140 млн. Это огромный скачок.

— Процентное количество заболеваний было примерно таким же?

— Абсолютно таким же. По продолжительности жизни мы выигрывали. В 1985 г. продолжительность жизни в России была на первом месте в Европе. Мужчины жили в среднем до 75 лет, сегодня — 62 года.

2015 г. объявлен годом борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Значит, в этом году надо больше вкладывать во все звенья лечения, включая профилактику, лечение и реабилитацию. И это делается.

— Санкции не мешают?

— Самые страшные санкции — внутренние. Люди, которые ничего не делают, ссылаются на санкции и ждут у моря погоды по старому советскому образцу, ничего не добьются. Мало того что они сами бездействуют, они еще и других тормозят.

— Насколько сложно устроен человеческий организм, часто ли он преподносит сюрпризы?

— Это потрясающая, удивительно хитро отстроенная саморегулирующаяся система. Он очень многое терпит от нас, когда мы его напрягаем, куда-то время праздников: кажется, как можно такое выдержать? А органы наши выдерживают, пока мы сами их не уничтожим непомерными и длительными нагрузками. Нужно соблюдать умеренность во всем, и тогда все будет нормально.

— Главный фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний — это возраст?

— Гиподинамия. Это колоссальный фактор риска. Люди, которые сидят изо дня в день в одной позе, работают в кабинетах, не делают никаких упражнений, не занимаются собой, находятся в самом центре группы риска. Ведь все просто: встань, отойди от стола и сделай хотя бы десять приседаний — уже продлишь себе жизнь. Но ведь ты не сможешь этого сделать, если годами сидишь не двигаясь!

Немаловажный фактор — продовольственная корзина. Чем больше в ней животных жиров, тем хуже прогноз. Нужна растительная пища, нужны разгрузочные дни, нужно отказываться от большого количества углеводов.

— Есть углеводоманы — люди, которые безумно любят хлеб и едят его в неимоверных количествах. Выходит, они в числе первых претендентов на инфаркт или инсульт?

— Не всегда. Чем выше качество хлеба, тем меньше поправляется человек. Итальянцы это доказали: они едят макароны из твердых сортов пшеницы и не полнеют. А углеводы мягких сортов быстро включают в цикл Кребса и превращаются в жиры, возникает избыточная полнота, переходящая в ожирение.

— Сейчас в любом спортивном магазине продаются шагомеры, специальные программы есть в телефонах и смартфонах. Все условия, только двигайся!

— Шагомеры в наличии, палки для шведской ходьбы тоже есть. Ходьба, кстати, очень хорошо развивает дыхание, а палки предохраняют человека от падений в зимний период. В среднем ежедневная нагрузка должна быть эквивалентна шести-семи километрам пешего хода среднего темпа. Для велосипеда — 15-20 км. Очень хорошо ходить на лыжах: едешь и любишь природой. Тут можно километры не считать, а просто наслаждаться. Я родился в теплых краях, в Узбекистане, поэтому к лыжам как-то не приспособился, хотя умею кататься и на беговых, и на горных, и даже на водных.

— Вы сами спортом занимаетесь?

— Физкультурой по утрам. Плаваю два-три раза в неделю, проплываю несколько километров. Но мне гиподинамия не грозит, я почти весь день стою в операционной. Тут другая опасность: большая нагрузка на позвоночник, это тоже чревато сложностями.

Работа хирурга с последним швом не заканчивается. Невозможно представить, чтобы врач вышел из операционной, переоделся и спокойно поехал домой. Хирург становится «рабом лампы»: ты не можешь просто так уйти от больного, которого сегодня оперировал, у тебя постоянно остаются какие-то сомнения, потому что ты знаешь, что в течение двух часов у него изменятся гемодинамика, движение крови, он расправится, согреется — и может начаться кровотечение. Ко всему этому надо быть готовым.

— На каком уровне сейчас находится наша кардионаука?

— В кардионауке слишком много практического. Во-первых, за последние десятилетия серьезно расширился диапазон хирургических вмешательств. Во-вторых, операции стали делать очень

пожилые больные. Сработал эффект терапевтического лечения и профилактики.

— То есть раньше человек получил бы инфаркт еще в 50 лет, когда организм полон сил, а сейчас он спокойно изнашивает сердце до 80 лет?

— Можно и так сказать. Приходят чаще всего уже тогда, когда заболевание дошло до необходимости хирургического вмешательства. Но тут возникают ножницы между возрастом больного и возможностью сделать ему операцию. Как правило, это происходит после 80 лет. Такие больные у нас появляются все чаще и чаще — больше 10% от общего потока. Если вы посмотрите средний возраст оперированных в хорошей американской больнице типа Методистской больницы в Хьюстоне, то вы увидите, что средний возраст пациентов составляет порядка 78-80 лет. У нас пока около 70 лет, потому что мы оперируем, к сожалению, и молодых. Но у всех этих молодых россиян за плечами или курение, или злоупотребление наркотиками, алкоголем и прочей гадостью, или пищевые нарушения.

— На Западе такого нет?

— В таких масштабах давно нет. Там просто хорошая активная терапия приводит пожилых людей к черте, за которой уже лекарства не действуют и нужно решать вопрос в пользу операции. Чем старше пациент, тем меньше шансов на обычное терапевтическое лечение и тем больше — что он подвергнется операции в связи либо с дегенеративными изменениями клапанов, либо с атеросклерозом артерий.

— Было у вас такое, что вы видите: человека спасти невозможно, а он все равно выживает?

— Бывало несколько иначе. Приходишь в операционную — и понимаешь, что ты ничего не сделаешь. Но все равно оперируешь, и твой маленький труд сохраняет больному жизнь. Так случилось несколько раз. Многие говорят, что все можно посмотреть еще до операции.

— Ну да, ведь есть рентген, МРТ, КТ, анализы всех видов...

— До операции ты, конечно, ставишь диагноз с точностью 90%, почти все узнаешь о больном. Но открываешь грудную клетку, смотришь на это... Мы же имеем дело не со здоровыми сердцами, а с больными, которые иногда уже перенесли два или три инфаркта. Никакой сократительной функции, сердце едва бьется. Хочется все закрыть и уйти. Но не попытаться сохранить жизнь этого человека ты не можешь — и стараешься что-то сделать. Иногда получается.

— Я знаю, что вы участвуете в разработке гибридных технологий в лечении сердечно-сосудистых заболеваний, которые позволяют не открывать грудную клетку.

— У нас есть несколько центров, которые занимаются гибридной хирургией сердца и сосудов. Усилия врачей могут привести к возможности выполнения в кардиохирургии малоинвазивного вмешательства.

— Малоинвазивное — это когда площадь вмешательства минимальна? Речь идет о лапароскопии?

— Лапароскопическая хирургия — один из видов малоинвазивного вмешательства, самый распространенный, но не единственный. Главная цель всех гибридных операций — радикальное уменьшение времени пребывания больного на койке, травматизма операции, ее объема, масштаба операционной

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Рената АКЧУРИНА

Четыре совета от академика А...

- ИЗБЕГАЙТЕ МАЛОПОДВИЖНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ. НЕ ВЫДЕЛИТЕ НЕСКОЛЬКО МИНУТ ДЛЯ НЕБОЛЬШОЙ ПРОГУЛКИ, ПОПРИСЕДАЙТЕ, СДЕЛАЙТЕ НЕСКОЛЬКО НАКЛОНОВ.
- ПОСТАРАЙТЕСЬ ОГРАНИЧИТЬ ПОТРЕБЛЕНИЕ ЖИРНЫХ И МУЧНЫХ ПРОДУКТОВ. ИЗ ХЛЕБНЫХ И МАКАРОННЫХ ИЗДЕЛИЙ ПРИГОТОВЛЕННЫЕ ИЗ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННЫХ СОРТОВ ПШЕНИЦЫ.
- ПОСТАРАЙТЕСЬ ПРОХОДИТЬ В ДЕНЬ НЕ МЕНЕЕ ПЯТИ КИЛОМЕТРОВ. КУПИТЕ ПАЛКИ ДЛЯ ШВЕДСКОЙ ХОДЬБЫ И УСТРАИВАЙТЕ НЕБОЛЬШОЙ ВЕЧЕРНИЙ ПРОМЕНАД. В ВЫХОДНЫЕ ДНИ НЕ БОЛЬШЕ ЧАСОВ ДЛЯ ЛЫЖНОЙ ИЛИ ВЕЛОСИПЕДНОЙ ПОЕЗДКИ. ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПОСЕЩАЙТЕ БАССЕЙН.
- ДАЖЕ ЕСЛИ ВЫ СЧИТАЕТЕ СЕБЕ ПОЛНОСТЬЮ ЗДОРОВЫМ, НЕ ПОЛЕНИТЕСЬ ХОТЯ БЫ РАЗ В ДВА ГОДА ПРОВЕСТИ ЭХОКАРДИОГРАФИЮ, ЭКГ, ДОПЛЕКЕРОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОСУДОВ, РЕГУЛЯРНЫЕ «ТЕХОСМОТРЫ», И ОН ПРОСЛУЖИТ ВАМ ДЛИННО.

травмы, быстрый возврат больного к работе и улучшение качества его дальнейшей жизни. Если все это удастся сделать, я буду считать, что главная моя задача в жизни выполнена.

— Как будут проходить операции, если эти разработки воплотятся в жизнь?

— Несколько лет назад умер мой большой друг, великий кардиохирург Майкл Дебеки. Он всю жизнь оперировал у других сердца и сосуды — и уже на девятом десятке сам нажил себе огромную аневризму аорты. Такие аневризмы сопровождаются драматическим расширением сосудов до 10-12 см в диаметре и возрастающей в геометрической прогрессии опасностью разрыва этой аневризмы, что и произошло с великим хирургом. Расширение, в свою очередь, приводит к прогрессирующей сердечной недостаточности. Сердце выбрасывает из желудочка в один удар 50-70 мл крови, а аневризма настолько велика, что поглощает весь этот выброс, и кровь дальше не идет. Развивается сердечная недостаточность. Плановая операция в этом случае сопряжена с огромным разрезом, в некоторых случаях — от угла левой лопатки до лобка. Косой длинный разрез через все тело. Ты постепенно латаешь эту огромную аневризму. Смертность при таких операциях достигает 10%.

— Помогает гибридная хирургия?

— Да. Она использует хирургический доступ в бедренной артерии. Вы открыли бедренную артерию, тщательно про-

СЕРДЦЕ ОУЖА

Акчурина

И. ДАЖЕ НА РАБО-
ОЙ ГИМНАСТИКИ.
ОЛЬКО ГЛУБОКИХ

ИВОТНЫХ ЖИРОВ
ЫХ ИЗДЕЛИЙ ВЫ-
ЕННЫХ ТВЕРДЫХ

Е 10 ТЫС. ШАГОВ.
ИВАЙТЕ С НИМИ
Е ВЫДЕЛИТЕ НЕ-
ДНОЙ ПРОГУЛКИ.

ДОДОРОВЫМ ЧЕЛО-
ПРОВЕРИТЬ СЕР-
ДЕМУ ОРГАНИЗМУ
М ДОЛГО.

мерили с докторами все размеры этой аневризмы и решили, как ее перекрыть. Методом, который разработал еще советский хирург Николай Леонтьевич Володось в Харькове, вы вводите через бедро свернутый в жгут протез и расправляете его в нужном месте, перекрывая верхнюю и нижнюю шейки аневризмы – участки, за которые он может самофиксироваться. После этого кровь идет через нормальный диаметр, сердечный выброс соответствует диаметру протеза и у больного сердечной недостаточности нет. Огромный мешок вокруг поставленного протеза постепенно тромбируется и рассасывается. Это настоящий прорыв в лечении больных, о котором можно было только мечтать.

— **Вы сказали, что Володось разработал этот метод еще в советские времена, т.е. больше четверти века назад. Почему его не начали использовать еще тогда?**

— Причин много. Я не берусь кого-то судить, но, думаю, с одной стороны, ему помешали хирурги, которые привыкли делать операции по старинке. С другой стороны, мало кто верил, что это будет работать, хотя Володось уже тогда продемонстрировал хорошие результаты. Никто в промышленности не взялся производить эндопротезы для таких операций серийно. Возможно, виной тому была нищета нашего здравоохранения.

— **Медицина в СССР содержалась по остаточному принципу.**

— Именно так. Хотя народ все-таки был здоровым.

— **В мире такие операции уже делают?**

— Конечно, они и осуществляются у нас. Но мы зависим от импорта, и он очень недешев. Средний эндопротез для замены отдела аорты обойдется в 10-18 тыс. евро. Если речь идет о замене аортального клапана, это уже 34 тыс. евро.

— **Неужели такая трубочка может стоить дороже хорошего автомобиля?**

— Конечно, может, ведь от этой «трубочки» зависит жизнь человека. Минздрав недавно принял решение, что такие закупки должны квотироваться, и с этого года распределяет квоты. Это уже большой шаг вперед, потому что доказать кому-то в Минфине, что это необходимо, сложно. Экономические трудности приводят к серьезным ограничениям.

— **Программа предусматривает производство таких эндопротезов?**

— Именно это мы и хотим сделать, чтобы не зависеть от импорта. Вот вам факт, который необходимо всем знать и работать в нужном направлении. Китайцы начали делать такие эндопротезы еще лет пять назад, когда подобные операции только начинались. Сегодня они могут предложить вам десятки вариантов эндопротезов, но не по европейской цене, а в два раза дешевле. Китайцы медленно повторяют все, что делается интересного в мире. Они не стесняются этого, и мир их за это не преследует. Вам надо — и они вам принесут точную копию американского протеза, причем неплохого качества.

— **Молодцы, что тут скажешь...**

— Можно только позавидовать и пе-

рениать опыт, хотя бы частично. Нельзя все время раскланиваться с Европой и с Америкой в отношении прав на изготовление лечебных и медицинских вещей, когда у тебя гибнут люди. Не хотите ссориться — сделайте свое, если сможете. Если нет, тогда покупайте. Вопрос состоит в защите нашего населения. Это вопрос безопасности страны — не меньшей, чем военная, и значительно более актуальной.

— **Как вы оцениваете возможность использования искусственных органов — сердца, клапанов?**

— Мне кажется, это направление не просто развивается, а идет семимильными шагами, так же как развивались в свое время сотовые телефоны. Каких-нибудь 20 лет назад мы понимали, что есть мобильники, но не представляли, что они могут стать такими необходимыми и незаменимыми.

— **То есть качество изготовления и доступность искусственных органов растут?**

— Не это главное, хотя и здесь достигнут несомненный успех. В связи с тем, что мы учимся создавать трехмерные скульптуры, осваиваем так называемый 3D-принтинг, появляется некогда совершенно фантастическая возможность выполнить и 3D-принтинг внутренних органов из биологической ткани. Вот эта задача сегодня становится все более реальной.

Я сторонник того, чтобы орган, который предстоит кому-то трансплантировать, был полноценным. Он должен обладать всеми свойствами нормального органа и развиваться в организме человека. Только тогда, по несчастью в отношении донора и по счастью в отношении реципиента, возникает возможность его трансплантации. Какой орган можно создать с помощью 3D-принтинга, еще неизвестно, но работы по этой части уже начались.

— **Раз уж мы заговорили об этом: во многих странах принято, если человек при жизни не написал отказ от трансплантации, использовать не пострадавшие после катастрофы органы для пересадки и спасения людей.**

— У нас такой презумпции нет. Она не принята по умолчанию. Тем не менее люди работают и пытаются создать в этой области какое-то приемлемое законодательство. Здесь очень многое зависит от культуры и от уровня развития базовой медицины. Если мы отъедем от столицы, то поймем, что до этого еще шагать и шагать. Надо вкладывать серьезные средства и требовать этого от руководства субъектов Российской Федерации. Развивать систему не на словах, не строить потемкинские деревни, а контролировать, чтобы были охвачены все пациенты, чтобы все в России могли пройти диспансерное наблюдение и использовать весь врачебный потенциал — очень, кстати, немаленький. Но когда это будет, трудно сказать. По крайней мере, все к этому стремятся или хотя бы думают об этом.

— **Все ли?**

— Нормальные прогрессивные люди должны об этом думать.

— **Ваш прогноз в отношении сердечно-сосудистых заболеваний в мире и в России. Что нас ждет в ближайшее время?**

— Думаю, сегодняшний тренд по сердечно-сосудистым заболеваниям останется. С 2000 г. в России построено порядка 10-15 высокотехнологичных федеральных центров, каждый из которых несет огромные нагрузки. Очень хорошее и правильное решение. Идеологию их создания выдвинули здесь, в кардиоцентре, в нашем отделении, еще в 1997 г. Пока трудно решается задача подбора персонала для них. Представьте себе автомобиль Rolls-Royce, в который посадили водителя уазика. Ему же еще надо научиться. Так что Rolls-Royce у нас уже есть, остается научиться им управлять. Кстати, молодежи приходится очень много, что радует. Они хорошо учатся, работают, делают большие операции. Они молодцы.

Беседовал

Валерий ЧУМАКОВ

Герои не умирают

Перед нами фотография обыкновенного молодого воина Советской армии. Ему всего 25 лет. На первый взгляд он один из десятков миллионов простых парней своего поколения. Его звали Азис. Акжигитов Азис Хаясович родился и вырос в семье татарского крестьянина села Мочалейка ныне Каменского района Пензенской области. В родном селе окончил 4 класса. Работал в колхозе - вначале пастухом, а потом и в поле.

В 1934 году в поисках счастья отправился в город Харьков. В 1937 году окончил 7 классов школы рабочей молодежи. Работал электромонтажником объединения «Харэнерго». Трудился с огоньком, несколько раз был премирован за ударный труд.

В Красной Армии с 1938 года. Служил на Дальнем Востоке. С июня 1941 года, то есть с первых дней войны участник Великой Отечественной. Сражался на Брянском и Воронежском фронтах. В конце 1942 года был ранен. Несколько месяцев лежал в госпитале, а затем снова вернулся на Воронежский фронт.

Стал командиром пулеметного отделения 21-го стрелкового полка 180-й стрелковой дивизии 38-й армии. Старший сержант Азис Акжигитов со своими бойцами одним из первых переправился через Днепр в районе села Лютёж Вышгородского района Киевской области. Отражая непрерывные атаки, его отделение уничтожило роты пехоты противника.

Рассвет последнего дня сентября 1943 года. Противник снова предпринял мощную контратаку силами пехоты и танков. Станковый пулемет Азиса Акжигитова прикрывал правый фланг наших подразделений, удерживавших плацдарм у села Лютёж на правом берегу Днепра. Фашисты пытались обойти с фланга боевой порядок советских воинов, но пулеметные очереди в упор косили гитлеровцев, рвавшихся к нашим окопам. И вдруг пулемет Азиса отказал. В расчете остались только он и наводчик. Старший сержант приказал пулеметчику открыть огонь из автомата, а сам принял

устранять неисправность. Фашисты прорвались к огневой позиции, начали забрасывать пулеметчиков гранатами, но А. Акжигитов, в совершенстве владевший пулеметом, быстро наладил его, и огневые струи снова стали косить напавших гитлеровцев. В этом напряженном поединке победили советские пулеметчики. Наступавшая цепь в змеино-зеленых френчах сначала залегла, а затем откатилась назад. Перед огневой позицией станкового пулемета остались десяткиtrupов гитлеровцев.

Много дней продолжались тяжелые бои за расширение Лютёжского плацдарма, который впоследствии стал стратегическим плацдармом для освобождения столицы Украины. Отсюда утром 3 ноября перешла в наступление ударная группировка 1-го Украинского фронта.

Старший сержант Азис Акжигитов участвовал в уличных боях в Киеве, которые велись здесь 5 и в ночь на 6 ноября. Следуя в штурмовой группе, Азис огнем из пулемета выкуривал гитлеровцев из домов, прилегающих к Крещатику и по улице Кирова. К рассвету 6 ноября 1943 года советские войска ликвидировали сопротивление противника. Над Киевом взвилось советское алое знамя, а воины 1-го Украинского фронта продолжали теснить врага на запад. Среди них был и командир пулеметного расчета А.Х. Акжигитов.

27 ноября в освобожденном Киеве на Крещатику состоялся митинг воинов и жителей города. На митинге выступили рабочие и колхозники, ученые и писатели. Они выражали безграничную благодарность Красной Армии, русскому народу, всем народам Советского Союза, представители которых сражались за освобождение Украины.

Среди участников митинга был и Азис Акжигитов. Ему, как и другим воинам, отличившимся в боях на Днепре, были вручены орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза. Это высокое звание Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему 29 октября 1943 года.

Он как воин выделялся бесстрашием и мужеством, для него не было никаких преград в достижении поставленной цели. Его одинаково уважали как командиры, так и простые солдаты. Но во время очередного сражения у населенного пункта Лосянино, это было 3 января 1944 года, старший сержант А.Х. Акжигитов был смертельно ранен и в тот же день умер...

В городе Каменка Пензенской области в честь Героя Советского Союза А.Х. Акжигитова установлен стела и бюст. Его именем названа школа в родном селе Мочалейка. Память о герое живет в сердцах поколений...

Ренат САФИН

г. Пенза

**Төлнур
Васыйлова**

АЛМА КАГЫ

Әбием мине гел генә
- Багалмам, – диеп сөя.
Ул сүзне әнием дә әйтми
Үзе елмая, көлә.

- Мин алма түгел, ә Алсу!
“Багы” ни була тагы?
Алмасын ашыйсы килми,
Яратам аның кагын.

Әбиемнең дә теше юк,
Авызын каплап көлә.
Алма кагын икәүләшеп,
Ашыйбыз тәмләп кенә.

ӘНИЕМ

Яз кояшы балкуы да,
Назлы тамчы тамуы да,
Әнием күзләрендә.
Бәйрәм шатлыгы да ташый,
Күңел сафлыклары балкый,
Әнием йөзләрендә.

Зур ышаныч өсти безгә,
Ныклы терәк була безгә,
Әнием сүзләре дә.
Чиксез сабырлыкка тулган,
Дөнья матурлыгы сыйган,
Әнием йөрәгенә.

Балачык багалмам

ТАБИГАТЬ БАЛАЛАРЫ

Суыктан куркып кошларым,
Очтылар жылы якка.
Батырлары безнең белән
Кышыйлар туган якта.

Жимнәр әзер, тартма элдек,
Түр тәрәзә каршыма.
Кыстый-кыстый жимнәр сибәм
Кызыл түшле кошыма.

Без – табигать балалары!
Жәен, язын, көз-кышын.
Рәнжетмәбез һәм якларбыз,
Туган якның һәр кошын.

МИЛӘШЛЕ КЫШ

Көзен әллә качып торган,
Күрсәтмәгән жимешен.
Кышка кергәч, исем китте,
Күреп миләш жимешен.

Ап – ак карда әллә каян
Уттай яна ул миләш.
Кошларны сыйлап жибәрә,
Аның янына килгәч.

Кешеләр дә авырудан
Дәва, диеп үрелә.
Ачы булса да тәмле, ди,
Үзе баллы күренә.

Кая карасаң да миләш
Кызыктырып утыра.
Кыш бабай быелгы кышны
Миләш белән тутырган.

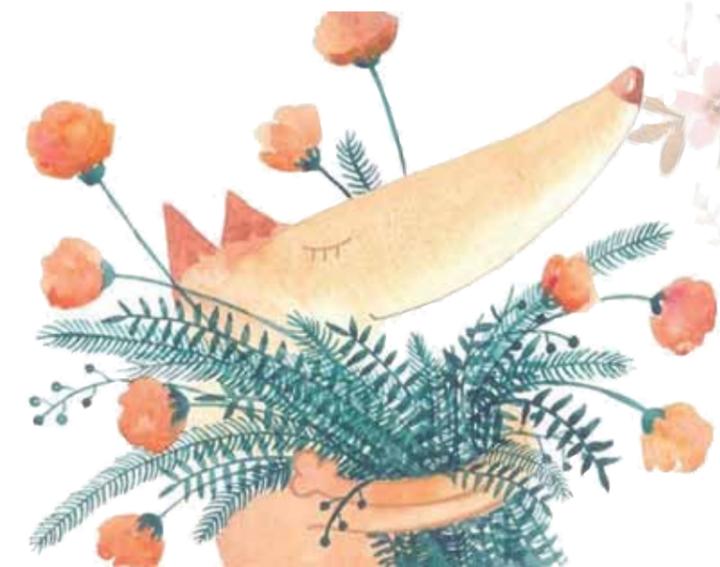
СЕРЛЕ САНДЫК

Сырлап – сырлап бизәлгән
Әбиемнең сандыгы.
Сандык өстен саклап тора

Күпертелгән ястыгы.
“Әби, димен, ниләр бар соң?
Шул сандык эчләрендә?
Энжә – мәржәннәрне күрәм
Көн дә мин төшләремдә.
Мин барында ник бер ачсын
Ул серле сандыккаен.
“Тәмнүшкәләр” бардыр диеп,
Шапылды авызкаем.
Бөтереләм яннарында,
Читтән көлә әнием.
Бик ялынып сорагачтын
Ачты серен әбием.
“Анда, - дия, яшьлегем бит
Яп-яшь килеш саклана”.
Үтим диеп амәнәтен,
Сандык ача сак кына.
Аллы-гөлле төскә чумган
Альпкычын яптырды.
“Телең тәмле булсын!” – диеп,
Ап-ак шикәр каптырды.
Әбиемнең сандыгына
Мин дә серем яшердем.
Сандык ачкычын идәннең
Ярыгына төшердем.

КҮЗЛЕКЛЕ КҮЛ

Каз бәбкәләрен төшердек,
Түгәрәк күл буена.
Ә бәбкәләр рәхәтләнеп
Күл эчендә коена.
Әнием тиз сизеп алды
Минем дә кызыкканны.
Түземсезлек белән көтәм
Алар судан чыкканны.
Читтән генә кердем күлгә,
Бер чумдым, ике чумдым.
Саф булсын дип, пакъ булсын дип,
Кушучлап битне юдым.
Әни, димен, нич аңламыйм,
Нигә анда күзләр күп?
Чирлиме соң әллә бу күл,
Калтырана әби күк?
Елмайды сөеп әнием,
Бәбкәләргә карады.
Чумып уйнаган бәбкәдән
Күлгә дулкын таралды.
Үзе чиста, үзе шаян,
- Бу, - диде, - зирекле күл!
Мине ике итеп күргәч,
Бу – димәк, күзлекле күл.

Меценат и бизнесмен Рустем Ямаев всю свою жизнь строил карьеру в Нижнекамске, но 17 лет назад оставил Татарстан, чтобы развивать строительный бизнес в Москве. Сейчас он возглавляет инвестиционную компанию ООО «Стройиндустрия», на счету которой десятки жилых домов в Москве и Подмосковье. Кроме того, он хорошо известен как застрельщик многих инициатив, объединяющих татар столицы.

- Рустем Фаизович, вы практически первым в Москве создали татарский бизнес-клуб и до сих пор продолжаете эту работу. Для чего вам это нужно?

- Многие годы я проработал в комсомоле, и организационная жилка всегда была во мне сильна. После переезда в Москву я стал связующим звеном для своих землячков. Мы, выходцы из Нижнекамска, еще в 98-м году стали собираться в ресторане «Китайгородская стена». Чуть позже стали приглашать на наши вечера экс-руководителя ТАССР Фикрята Ахмеджановича Табеева, который задавал некий тон, «идеологическую подоплеку» всему происходящему. Он в течение получаса с большим напором выступал перед нами, говорил о том, что по нам, выходцам из Татарстана, москвичи судят обо всех татарах, и мы не должны подводить свою республику. Его речи очень вдохновляли нас. Со временем стало доброй традицией отмечать юбилеи Фикрята Табеева. Наш бизнес-клуб был полезен тем, кто только приехал в Москву: врачи налаживали отношения с другими врачами, силовики знакомились со своими коллегами... Сейчас нас 600 человек, у нас нет официального статуса, четкой структуры, но мы общество людей, которые готовы поддерживать друг друга в любой ситуации. Это отобранный круг людей. Мы стараемся вместе ходить на татарские концерты в Кремле, наши дети породнились, многие через наше окружение достигли больших высот в бизнесе. Нам легко находить друг с другом общий язык, потому что у нас одинаковый менталитет.

- А какой менталитет у выходцев из Татарстана?

- Прежде всего, мы стараемся не подводить друг друга. Еще нам свойственны чувство ответственности, работоспособность и желание строить не сиюминутные,

Жить достойно своих предков...

а перспективные отношения. Не случайно наши аскалы, уважаемые и достигшие больших профессиональных высот люди, выступают перед молодежью, давая мудрые наставления.

- Обсуждаете ли вы проблемы сохранения татарского языка и культуры?

- Это наша больная тема - татарский язык прошел тяжелый путь сквозь века. Большая и ответственная задача сохранить и укрепить его позиции. Я, в свою очередь, как строитель, давно вынашиваю идею строительства коттеджного поселка в Подмосковье с компактным проживанием татар, где бы были татарский детсад и ясли, возможность изучать язык, отмечать вместе праздники. Это тоже один из вариантов сохранения языка здесь в Москве.

- Идея кажется утопической. Кто даст землю и разрешение?

- Когда Ленин вынашивал идею революции, она тоже казалась утопической... Конечно, это пока мечта и воплотить ее в жизнь сложно, но думать об этом надо. Так же, как надо думать о том, как повысить престиж татарской школы имени Мусы Джалиля в Москве, чтобы люди стремились туда попасть. А для этого должна быть мотивация к изучению татарского языка. Таким стимулом являлись бы определенные условия приема на работу в некоторые крупные компании, как «Татнефть», «Лукойл», «Сибнефть» или «Метрострой». Знание татарского языка могло бы стать дополнительным бонусом при приеме на работу.

- В татарском обществе постоянно идут дискуссии на тему, откуда черпать силы татарскому народу, на что опираться для самосохранения идентичности. Что вы по этому поводу думаете?

- Главное менять потихоньку сознание. Чтобы каждый из нас понимал, что мы не гости здесь, что Россия наша земля, здесь нет старших и младших народов. Наши предки вместе со всей страной создавали и строили Москву, а значит, мы ответственны за все происходящее здесь. Каждый из нас должен осознавать, что татарин - это звучит гордо. И, прежде всего, надо доносить эту мысль до молодежи.

- Достаточно ли для того, чтобы менять сознание, выступать перед молодежью?

- Конечно, нет. Вопрос по большому счету упирается в то, чтобы татарский был вторым государственным языком хотя бы в тех регионах, где достаточно много татар. Но это в перспективе, а сегодня каждый из нас должен начать с себя. Не надо чего-то ждать. Прямо сейчас надо стараться в семье говорить на татарском, отправлять детей в деревню изучать язык. В каждом доме, в каждом ТСЖ татары должны объединяться и собираться вместе - пить чай, петь песни, отмечать национальные и религиозные праздники, поддерживать друг друга. В институтах ребята должны тоже общаться между со-

бой, создавать команды КВН, входить в более крупные автономии. Нам необходимо несколько длинных захватывающих сериалов про татарскую семью с описанием нашего быта и праздников. В советские времена по радио и телевидению постоянно крутили песни на национальных языках народов республик. Недавно я был на концерте, посвященном Дню милиции, - не прозвучало ни одной песни на татарском языке, на Золотом граммофоне - та же история. Почему Пугачева, если она звезда, не споет по-татарски? Нужно больше татарских названий в топонимике Москвы. Нам нельзя жить от гастролей до гастролей Камаловского театра, необходима своя столичная театральная труппа и детские творческие коллективы. Почему у нас нет ни одного депутата татарина в Мосгордуме? А ведь мы второй по численности народ в России! Все это конечно, большие и серьезные проблемы, которые надо решать.

- Рустем Фаизович, расскажите, пожалуйста, о своей семье. Кто ваши родители, и какую роль они сыграли в вашей судьбе?

- Мои родители родом из соседних деревень Агрызского района Татарстана. Мой отец Фаиз Нурмухаметович был очень необычный человек - энтузиаст и

С супругой Рамзией, Айдаром Галимовым и Маликой

перфекционист. За что бы он ни брался, всегда выходил победителем. Однажды, попав на соревнования по бегу, он так загорелся этим видом спорта, что стал чемпионом Татарстана. Увлечшись шахматами, стал лучшим в институте. Он очень любил танцы, я не знаю никого, кто танцевал бы с таким артистизмом. Еще он виртуозно играл на гармонии, был великолепным тамадой и рассказчиком. Первый цикл программ «Мунча ташы» на татарском телевидении был сделан по мотивам его рассказов. В общем, был всесторонне одаренным человеком. В 26 лет он стал председателем колхоза «Гигант» в Мензелинском районе. Работал вместе с будущим президентом Татарстана Минтимером Шаймиевым и был его наставником. Помню, как к отцу приехал Ф.А. Табеев, и мы вместе рыбачили. Моя мама, Гульзавгар Шаиховна, была хранительницей очага, всю жизнь проработала с детьми - возглавляла детский сад.

- Как судьба привела вас в Нижнекамск?

- По поручению партии в 70-м году нашего отца отправили в Нижнекамск организовать бытовое обслуживание. Он был генеральным директором службы быта в четырех районах - Елабужском, Челнинском, Нижнекамском и Заинском. Ему повезло работать в те годы с такими выдающимися руководителями, как Ильдус

Садыков, Фарид Багаутдинов и Николай Лемаев. Ему принадлежит идея открыть на заводских проходных службы быта, чтобы сотрудники по пути на работу могли оставлять в починку часы или обувь... За свою работу он удостоен звания «Заслуженный работник бытового обслуживания населения СССР» и многих других.

- Как складывалась ваша жизнь? Какое у вас образование и как вы пришли в инвестиционный бизнес?

- Я окончил Казанский химико-технологический институт и начал работать первым заместителем секретаря комсомола Нижнекамскнефтехима. В 26 лет я стал заместителем начальника управления этиленопроводов по обслуживанию этиленопровода. Конечно, это назначение состоялось благодаря авторитету моего отца, но это была непростая должность, приходилось очень много работать. Затем я перешел на работу в коммерческие структуры, а потом был переезд в Москву. Всю жизнь надо мной довлел авторитет отца. И в годы работы в Нижнекамске, и сейчас я стараюсь доказать, что достоин быть его сыном.

- Я знаю, у вас трое детей. Как вы их воспитываете? Многие состоятельные люди стараются отправлять детей на учебу за границу, вы тоже?

- Нет, я сторонник того, чтобы дети воспитывались в семье и получали образование у себя на родине. Мы не оказываем на детей какое-то давление, но стараемся, чтобы они чаще бывали в родном Татарстане, ездили в деревню. Они практически с рождения ходят вместе с нами на сабантуи, татарские концерты и мероприятия.

- Что вы думаете о религиозном воспитании? Все-таки до последнего

времени картина мусульманской жизни московского общества была единообразной: абсолютное большинство мусульман столицы составляли татары. Сейчас лишь 10% прихожан - татары, хотя московские мечети изначально строились на деньги татарских купцов и дворян.

- К сожалению, это безрадостная картина. Один из путей сохранения татарского языка и культуры, морали и нравственности, на мой взгляд, - это воспитание молодежи через религию. Недавно в Подмосковье дети из благополучных семей убили из-за наркотиков ветерана Великой Отечественной войны. Думаю, если бы они были верующими людьми - православными или мусульманами, если бы у них были духовные наставники, этой трагедии бы не произошло. Нужно, чтобы у каждого татарина в Москве была возможность прийти в мечеть и послушать наставление образованного муллы, взгазь, на родном языке.

- Есть ли что-то, о чем вы жалеете в своей жизни?

- Я по жизни фаталист, все зависит от судьбы и Аллаха. Наверное, хотел бы иметь еще детей и уделять больше внимания их воспитанию. Сейчас у меня большое желание более углубленно изучить многовековую культуру родного народа, его национальные традиции, в том числе, и ислам. Надеюсь, у меня получится...

**Беседовала
Римма Тахавеева**

Встреча в Доме Музыки с земляками

Ринат МУХАМАДИЕВ

Привет от Мажита сына Гаязетдина...

(Рассказ)

2014 год. Последние апрельские дни. Нью-Йорк, 7-я авеню. Отель «Пенсильвания». Вечер, время близится к девяти часам. Я весь день бегал по городу и собрался было отдохнуть. Только уселся в кресло, как зазвонил телефон. С того конца провода незнакомый голос обратился ко мне на чистейшем татарском:

– Ринат, сынок, это ты?
– Я. А вы кто?
– Мажит сын Гаязетдина, Гали моя фамилия, твой американский соотечественник.

– Ясно. Слушаю вас.
– Вот в прошлый приезд ты обещал, мол, встретимся и побеседуем. В прошлый-то раз до меня очередь не дошла...

Я честно пытался вспомнить, когда и кому я обещал подобное, но собеседник пришел мне на помощь:

– Лет десять-двенадцать назад ты приходил в нашу татарскую общину. Ну да нас там много было, а ты один, не мудрено и забыть.

– Как же, помню, помню, – заверил я его, и себя заодно.

– Телефон твой мне дал Ильдар Агиш, – внес окончательную ясность собеседник на том конце провода. – Я к чему веду-то? Может, завтра время выберешь и навесть нас? Скажем, к ужину...

В обозначенное время к гостинице подъехал светло-голубой «Крайслер». В дверях показался симпатичный дядечка, среднего роста, уже изрядно поседевший. Дядечка шустрый, движения проворные, лучистые голубые глаза сразу же нашли меня среди толпы посетителей. Еще пара секунд – и вот он передо мной. Обнялись мы как старые друзья.

– Ну, слава Богу, узнал, – сказал я, вспомнив, наконец, нашу встречу десятилетней давности. – Вы совсем не изменились...

Мой собеседник повел меня к машине, приговаривая, что долго перед входом в гостиницу стоять не следует. Посадил меня на пассажирское сиденье рядом с собой. И перед тем, как тронуться с места, еще раз испытующе оглядел меня и вернул комплимент:

– Да и ты не сильно изменился, я тебя сразу узнал. Но посидеть – посидел, ничего не скажу.

– Время безжалостно, Мажит абый. Жизнь суетливая, хлопотная, всякое случается, посидеешь тут...

Тем временем мой собеседник снял куртку, чисто юношеским движением бросил ее на заднее сиденье, завел машину, и мы поехали.

– При советской власти жить нелегко, я в курсе, – прокомментировал он как бы про себя.

– Советской власти, к сожалению, давно уже нет, Мажит абый, – сказал я, сделав ударение на словах «к сожалению». – Мы теперь в России живем.

– Думается мне, разница небольшая, – Мажит абый снова глянул на меня испытующе краешком глаза, совершая поворот с 34-й улицы на 8-ю авеню.

– Родина – она Родина и есть, дорожке ее ничего нет... Вот и вы ведь скучаете, наверное?

– Ответа я не услышал. Водитель мой некоторое время молча вел машину, думая о чем-то своем. Потом начал рассказывать об интересных местах, которые мы проезжали, о зданиях, купавшихся в ярком вечернем освещении города. Ну, чистый экскурсовод: «Посмотрите направо, посмотрите налево...», а сам скорости не сбрасывает, так и мчится. Движения у него быстрые, легкие на удивление. Как бы хорошо он ни сохранился, но если я его называю «абый», моложе меня он никак быть не может. Долго не раздумывая, я сказал:

– Мажит абый, я вот сижу, думаю: сколько вам лет?

– Восемьдесят девять, – услышал я ответ. Мы как раз въезжали со стороны Манхэттена на большой скорости мост: – Если будет на то соизволение Аллаха, в будущем году девяносто отмечу.

Хорошо, что я сидел. На некоторое время чуть не лишился дара речи, а в ушах

звучало: «Девяносто... Девяносто...». Тем не менее, изумление свое постарался не показывать. Ну кто из наших стариков в девяносто лет в состоянии гонять на машине по огромному городу?.. Очков на нем нет, слышит прекрасно... Мало того – закинул в рот жвачку и энергично зажевал.

Дольше молчать было уже неудобно, и я сказал:

– Вы мне так и не ответили, скучаете ли по родной земле.

И снова Мажит абый некоторое время молчал. И снова как будто не мог найти ответа.

– Это для меня самый сложный вопрос. Давай мы об этом дома поговорим, – подвел он черту.

Наконец мы свернули с широкой скоростной трассы и въехали в район с двухэтажными домиками, утопающими в зелени экзотических фруктовых деревьев. Мне, насмотревшемуся за день на гигантские небоскребы, чьи верхние этажи пропадали в облаках, эти домики показались просто игрушечными. Однако нельзя было не восхититься чистотой и зеленью, непохожестью этих домиков друг на друга, их явным удобством для жителей.

Как будто угадав ход моих мыслей, Мажит абый пояснил:

– Лет сорок мы тут живем, район называется Флашинг. Вон, ближайший поворот – на нашу улицу...

Саида ханым, хозяйка дома – симпатичная, подтянутая – поставила на стол, который и так ломился от угощения, блюдо с исходящими паром перемьями и эчпочмаками. Во главе стола кипел латунный самовар.

Разговор Мажит абый начал как раз с этого самовара:

– Это – приданое Саиды. Он в нашем доме старейший – его 150 лет назад в Российской империи сделали. Наследство бабушек-дедушек, он с Дальнего Востока, через Китай и Турцию, кругосветное путешествие совершил, прежде чем к нам попасть. Саиду я из Турции привез. Она родилась в Китае, мать у нее – из пензенских татар, отец – из Башкортостана, Кугарчинской район. Двое сыновей у нас. Старший – Ирек, живет в Лос-Анджелесе, дела хорошо у него идут, 51 год ему, но не женат – не смог себе татарскую девушку найти. Младший – Зуфар, 48 лет, жена Ширин, татарка, в Канаде они живут. А мы вот с Саидой в этом большом доме одни остались.

– И дом, и все вокруг красиво, и от центра недалеко. Улица ваша все в цветах, вроде и птицы поют – в раю живете, однако.

– В раю не был, подтвердить не могу, – улыбнулся хозяин, – однако на жизнь не жалуемся, слава богу.

– С семьей вашей я познакомился, а сами-то вы откуда? Про себя вы ничего не рассказали, Мажит абый...

Вопрос он явно расслышал, однако снова не торопился с ответом.

– Может, пропустим по рюмочке? – кивнул он на бутылки на дальнем конце стола. Я выпить отказался, хозяин не счел нужным настаивать. Налил нам чаю, отпил, глубоко вздохнул – и начал рассказывать.

– Сам я из Башкортостана, родился и вырос в деревне Старый Ихсан Кушнаренковского района. Маленькая такая татарская деревушка, уж не знаю, есть она сейчас или нет. В двадцать пятом году в 1931-м. Два года в Белорецке лес валил, потом застрелили его... Дом, новый, просторный, который отец своими руками выстроил, у нас отобрали. Мама с пятью детьми, мал мала меньше, поселилась в бане. Так я в бане и вырос. Как только семнадцать исполнилось, пошел в военкомат, хотел на фронт. Хотел на летчика выучиться. Понятное дело, в летчики меня не взяли – кулацкий сын. Всю зиму в Уфе в бывшей школе впроголодь сидели, клопов кормили... Весной нас отправили в Бузулук в 45-ю стрелковую бригаду. Немного погоняли нас на «ать-два», винтовку держать научили – и напрямик на фронт.

Стрелял я метко, сказали, мол, будешь снайпером, и вручили винтовку с оптическим прицелом. С шестисот метров мог фашисту ухо отстрелить. Ну да я на простых солдат патроны не тратил, офицеров выбирал...

Осенью 1943 года окопались мы на окраине одной деревушки, где-то между Смоленском и Оршей. Деревушкой-то не назовешь, все строения погорели, одни печи закопченные скалятся. Людей нет, да и кто ж там останется-то? Однако вышел к нам из развалин полуживой котенок, маленький такой. Знал бы ты, как мы ему обрадовались... С рук его не спускали, кормили-поили... Это же был наш родной советский котенок! Мы все, считай, деревенские, и он нам так напомнил детство, родной дом, лежанку на теплой печи... Котенок к нам так прибил, гнали – не уходил. Заводили его в развалины, еду оставляли – все равно за нами бежал. А немец-то стреляет без передышки. А уж как из пушек нас обстреливать начали, так и вообще не знали, где укрыться. И справа стреляют, и слева стреляют, просто конец света. А потом окружили нас. Отстреливали по одному. Двинешься – и тебе конец. Командиры все погибли, патроны кончились. Отступать нельзя, наступать не получается. Про поесть-попить уж молчу.

Я без сознания в окопе лежал. В какой-то момент пришел в себя, глаза открыл – а прямо на меня танк движется. Метров десять до него. Эх, думаю, мне бы сейчас одну гранату... С разряженной винтовкой на танк не попрешь. Снова сознание потерял, помню, грохот какой-то слышал...

Снова пришел в себя уже в плену. Пленных вокруг видимо-невидимо. Оказался я в лагере для военнопленных под Минском.

И вот однажды мне кто-то по спине стукнул:

– Мажит!..

Оборачиваюсь – Губайдуллин, парень из Тюмени, мы с ним в том окопе вместе лежали. Как же мы друг другу обрадовались... Он хромает, а у меня ребра сломались... Сидим в лагере для военнопленных и радуемся – то ли встрече, то ли тому, что в живых остались. Вот тогда-то он мне и рассказал, как мы выжили:

– Ты без сознания лежишь, я ногами двинуть не могу. А танк прямо на нас ползет, вот-вот наедет – и вдруг остановился. Я уж с жизнью попрощался, глаза закрыл. Открыл поглядеть, что же происходит – и не поверил собственным глазам. Из фашистского танка кто-то вылез, прыгнул вниз, нагнулся... Оказывается, это наш котенок прямо к танку вышел. Фашист глазами по сторонам зыркнул – и поднял котенка. И вот хочешь верь, хочешь нет – принял его почесывать, по спинке гладить. Потом к нему еще несколько фрицев подбежали. Вот таким образом, друг Мажит, мы с тобой живыми остались. Котенок танк остановил, котенок нас спас...

Уж не знаю, к месту или нет – но я улыбнулся. А Мажит абый продолжал вспоминать.

– Долго мы по лагерям матались, и везде тяжелая работа... в конце войны были мы на западе Австрии, дороги благоустроивали...

Говорил Мажит абый нехотя, видно было, что воспоминания даются ему нелегко. Я не хотел расстраивать его дальше и не стал задавать вопросы. Тем более что на свой-то давно беспокоящий меня вопрос я ответа так и не получил.

– Вот так вот, – подвел итог рассказу Мажит абый.

Ну, меня так просто не собьешь.

– А почему вы тут, в Америке, Мажит абый, после войны почему в родные места не вернулись? Победитель, вся грудь в медалях...

Он вдруг недовольно крякнул и сурово посмотрел на меня.

– Вот все вы об одном спрашиваете. «Почему не вернулись... Почему в Америке поехал...» Ну вернулся бы я – и куда бы поехал? На Соловки? В Гулаг? Сразу вспомнили бы кулацкое происхождение, да и расстреляли бы суда и следствия... Что, не знаешь, что ли?..

– Слышал об этом, – сказал я, давая понять, что спорить не собираюсь.

И тут же вспомнил свое послевоенное детство в деревне. Напротив нас жил Ходжа абый, он все четыре года войны на передовой в пехоте провоевал. В плену побывал, однако достаточно быстро сумел сбежать, присоединился к белорусским партизанам и до последнего дня войны бил фашистов. Вернулся в родную деревню победителем. Однако после того, как стало известно о его пребывании в плену, его арестовали и выслали. Три года в тайге лес валил, и вернулся без одного глаза. Люди говорили: не в бою, не фашисты – надзиратель глаз ему выбил.

И еще мне вспомнилось: на 9 мая, в День Победы, в нашем деревенском клубе устраивали концерт для фронтовиков. Перед глазами стоит, как из сундука доста-

вали единственную белую рубашку отца, и тот, нарядный, старательно разглаживая на себе потрепанный пиджак, торопился в клуб. Тогда безногие-безрукие почитай в каждом доме были, но на груди у калек в этот день сверкали ордена-медали. А вот Ходжа абый, который жил как раз напротив клуба, на концерт не звали. О чем он думал, глядя из-за занавесок на своих ровесников, таких же фронтовиков, собравшихся на праздник?..

Вспомнить-то вспомнил, однако обсуждать эту тему не рисковал.

– Я все еще жив, – с оттенком торжественности сказал Мажит абый. – Человек в этот мир приходит для того, чтобы жить, чтобы быть счастливым, я так понимаю. У меня было два брата. Сиразетдин погиб под Ржевом. Младший, Аслам, как и я, попал в плен. Их в последние дни войны освободили наши. Он вернулся домой, к семье, – и его арестовали. Его и еще около тысячи заключенных утопили вместе с баржей в Охотском море.

– Ну, это вряд ли, Мажит абый, чтобы специально утопили? – я не мог не возразить.

– Если бы одна баржа потонула – поверил бы. Так ведь десятки! И в каждой бывшие военнопленные, которые на войну Родину защищали!..

– Насчет этих событий точных сведений у меня нет, поэтому спорить не буду.

– Я вот после войны на чужбине считай, беглецом был, в Америку на старом корабле приплыл. Не море – океан переплыл. Слава Аллаху, не потонул. Вернее – не утопили...

Ну, гость хозяину не указчик; я, хоть и не согласен был, спорить не стал.

Поели-попили, вышли из-за стола и перешли в просторную гостиную. Под окном на клумбах – герань, бальзамин, фуксия, на стенах – шамаили, на журнальном столике – яркий календарь на татарском языке. Издан в Уфе, памятник Салавату Юлаеву я сразу разглядел. Тихо зазвучала татарская музыка, видимо, Саида ханым включила. «Галиябану», народная песня, слышно скрипку и курай.

Однако готовую выскочить фразу: «Ну, видно же, что вы по родным местам скучаете!..» я на кончике языка поймал. Не стал пожилым людям соль на раны сыпать.

Мажит абый сам продолжил разговор:

– До того, как попал в Америку, много чего пережить пришлось, да и тут никто меня с объездами не ждал. Мы хотя в конце войны и были в Австрии, считались находящимися в английской оккупационной зоне. Англичане же обязаны были передавать советских военнопленных своим. И передавали. А мы – военнопленные – день и ночь об одном думали: что делать? Жизнь-то хотелось всем. И по Родине, по родным тосковали, как же не тосковать-то?.. Однако вести оттуда приходили неутешительные. Знали мы, как там встречали бывших военнопленных...

И вот в тот день, когда нам объявили о том, что завтра нас передадут советской стороне, подошел ко мне молоденький лейтенант, русский. Рассказал, что нынче ночью они собираются бежать через Альпы. Я, долго не раздумывая, присоединился к ним.

Под горами проходил тоннель, однако он охранялся с обеих сторон. Вот мы, как горные козлы, десять дней по горам и карабкались. Один со скалы сорвался и погиб. Кое-как, впроголодь, с огромными трудностями преодолели мы эти Альпы – и попали в ту же Австрию, но уже в американскую зону. Там нас австрийцы и арестовали.

Снова сидим в плену. А совсем близко от наших барачков проходила железная дорога. И мы слушали, как мимо нас поезда проезжают... Гудки паровозные... Стук колес... Они как будто звали нас домой, в родные края. Мы же вроде бы твердо решили эмигрировать, а вот поди ж ты – сердце на Родину просится. Кому и как это объяснить...

Ну, в плену-то жить никому не хочется. Мы же сюда в поисках свободы попали.

Снова в голову одна мысль – как убежать. Сидим, планы строим. И вот однажды появился среди нас один русский эмигрант. Авторитетный человек оказался, вошел в наше положение и помог. Дорогу описал и проводил нас до товарного поезда. Снова мы сбежали. Поймали нас на этот раз американцы. И снова кругом одни военнопленные, в основном наши. И все об одном думают: что дальше делать. А пленных на советскую сторону каждый день передают, желания не спрашивают. Мы – трое татар – решили объявить себя турками, турок не трогали. Выучился на шофера и шесть лет отработал в австрийских лагерях – наполовину свободный, а наполовину пленный. До 1951 года, пока немного денег не накопил... Я был знаком с одним татаринком по имени Файзи Салих, музыкант он был.

Слева направо: Ильдар Агит, Саида ханым, Мажит Гали и автор. Нью-Йорк. Апрель 2014г.

У этого одна мечта – в Америку уехать. Это меня и соблазнило. Деньги ушли на документы и дорожные расходы. И из германского порта Бремен мы отправились в Нью-Йорк.

Три дня, три ночи по океану болтались и приплыли, наконец, в Нью-Йорк. Последние ноябрьские дни. Дождик моросит, крыши небоскребов в тучах прячутся. Ветер холодный, а на мне тонкий плащ и шляпа. Хотел полы плаща запахнуть, чтоб теплее было, а шляпа возьми и улети. Я было за ней, да не поймал. Попрыгала она по лужам, да и улетела в океан. Я ж ее купил специально, чтобы Америку поразить... Ну да бог с ней...

Файзи отправился искать каких-то своих знакомых. Хотя мы и договаривались вестями обмениваться, однако с того дня ни разу не виделись. А в тот день я, поднявши свой старый чемодан, двинулся один-одинешенек в огромный незнакомый город, в совершенно неизвестную жизнь.

Углубившись в воспоминания, Мажит абый глубоко вздохнул и снова замолчал.

– Представить себе страшно, – почувствовал я ему, – страна чужая, знакомых нет никого, да и языка не знаете. Голову приклонить негде...

– Эх, Ринат, сынок... Если Родина тебя отвергла, если деваться тебе некуда – силы находятся. Человек многое может выдержать. И верно сказано: нужда научит кузнеца сапоги тачать. И кузнецом я был, и носильщиком...

Рассказывал он неторопливо, задумываясь над каждым словом, как будто переживая всю жизнь заново. Я молчал, любое мое высказывание казалось мне неуместным.

Он сам продолжил:

– Ну, не потерялись на чужбине, люди все хорошие встречались. И язык выучили... Мир не без добрых людей, верно говорят.

Не то, чтобы я знания свои хотел показать, просто воспользовался моментом и включился в разговор:

– Это ж, Мажит абый, говорят насчет родной земли, Родины. А Америка вон она где, на другом конце Земного шара. Со всем чужая сторона, никак она Родиной быть не может...

– Для кого как! – отрезал тот. – Здесь мой дом, здесь мы с Саидой детей вырастили. Здесь я друзей нашел, здесь работал, здесь ощутил себя полноправным человеком, личностью... Здесь меня никто не унижал, не преследовал.

– Это хорошо, – гнул я свое, – но Родина-то одна...

– На этой твоей Родине в меня, куда не пойду, пальцем тыкали: «Кулацкое отродье!» Жить, как хочешь – нельзя, учиться там, где хочешь – нельзя, заниматься тем, чем хочешь – нельзя. И эти «большевики», которые недостойны тебе воду в кумган наливать, тебя жить учат! Это что, жизнь, по-твоему?..

– Однако вы за эту Родину в неполных семнадцать лет пошли на фронт сражаться. Несколько раз чуть не погибли...

– Я сражался за землю, на которой мои деды-прадеды жили, не за «большевиков!» Есть разница! – и неожиданно спросил меня: – Разница есть?..

– Есть...

– Вот так-то... – Мажит абый взял из хрустальной посуды щепотку изюма, забросил в рот и принялся неторопливо жевать, блеснув белоснежными зубами. Неужели ему девятностый год?! – Я сказал: «Мир не без добрых людей» потому, что здесь и татар, и русских немало. У каждого своя судьба, никто Родину по своей воле не бросает. И здесь мы живем, помогая друг другу. Сам видишь, и татарская община есть у нас, постоянно собираемся, новостями обмениваемся.

– Видел, очень дружно живете.

Он внезапно оживился и, улыбаясь, сказал:

– Я ж тебе не сказал, что долгие годы работал главным управляющим одного из самых красивых зданий на Манхэттене. Мою работу высоко оценивали. Устроился я туда с помощью знакомых татар. Сам, по возможности, помогал многим, приехавшим сюда. Мы должны помогать друг другу...

– Вы очень правильно говорите, Мажит абый. К сожалению, нам, в России живущим, этого качества иногда не хватает. Люди становятся злыми, грубыми...

– Перенесенные беды и трудности бесследно не проходят. Наш народ чего только не перенес. Революция за революцией, война за войной... Это нам и отзывается, – подытожил тот.

Возражать и спорить мне не хотелось. Да и что я мог возразить?.. Я и сейчас частенько вспоминаю рассказанное им, его выстраданные всей жизнью слова.

Устав сидеть в помещении, мы на полчаса вышли на свежий воздух. Улицы широкие, тихие и почти пустые. Никто не болтается без дела, изредка машины проезжают; у всех свои дела, свои заботы. Мажит абый без остановки рассказывал о нью-йоркских татарах, о работе и детях, о том, как и где они отдыхают. О каждом рассказывал с любовью и уважением, как о родном человеке. Ни про кого дурного слова не сказал, даже случайно не обмолвился. Но самое удивительное – что за целый вечер общения он про родные места, про тамошнюю жизнь ни одного вопроса не задал и интереса не показал.

Когда собрались прощаться, я спросил сам:

– Мажит абый, я же вижу, чувствую, что душа-то у вас татарская. Язык знаете лучше, чем казанские и уфимские татары, ни одного иностранного слова не вставили, хотя и на английском, немецком, русском, турецком прекрасно объясняетесь. Ваши друзья, ваш дом, весь жизненный уклад говорит о том, что вы постоянно думаете о родных местах. Почему же вы, когда уже можно стало, ни разу на Родину не приехали?

– Снова ты об этом, – улыбнулся он.

– Так ведь на языке вертится, – ответил я, – и ответ хочется услышать...

И он принялся мне растолковывать: – Да не буду скрывать – всю свою жизнь здесь скучаю... По пению петухов на заре, по бляню барана, который не может найти свои ворота и всю ночь бродит по деревне... По журчанию ручьев, по звону косы, которую правят во время сенокоса... Я все это помню, я все это вижу во сне. Не могу забыть, как летними вечерами наши деревенские играли на тальянке, я до сих пор слышу их наигрыши... Да, бывали времена, когда мне очень хотелось вернуться, но я не мог. Причину сам знаешь, мысль о том, чтобы вернуться в Советский Союз, мне даже в голову не приходила. Глупо было бы возвращаться, глупо...

А сейчас – скажи, к кому мне возвращаться? Мама, которая меня так ждала, давно уже умерла. Братья тоже... Друзей, с которыми ребенком играл, – и тех нет уже. Да и деревни-то нет наверняка... Не осталось никого, кто мог бы меня узнать, да и я никого не знаю... Куда, к кому мне возвращаться?!

Мажит абый помолчал, потом глубоко вдохнул и положил мне руку на плечо:

– Вот так я и живу, воспоминаниями о родной деревне, о своих...

А потом понизил голос, наклонился ко мне и тихо сказал:

– Если случится такое, и ты в Башкирии окажешься, найди местечко безлюдное... И чтобы никто не видел и не слышал... И крикни громко, так, чтобы все услышали: «От Мажита сына Гаязетдина привееет!». Очень я буду тебе благодарен...

Нью-Йорк – Москва, 2014 г.

Перевод Марианны Валишевой

Ильяс АЙДАРОВ, художник

Память о войне всегда рядом...

На кануне 70-летия Великой Победы мы обратились одному из самых ярких представителей творческой интеллигенции страны – действительному члену Академии художеств России, лауреату Государственной премии Республики Татарстан им. Г.Тукая художнику Ильясу Саяровичу Айдарову с вопросом: «Почему Вы так часто обращаетесь к военной теме в своем творчестве и участвовал ли кто-то из ваших близких в Великой Отечественной войне?» Ответ художника и некоторые его произведения предлагаем нашим читателям.

Память о войне, как тень, всегда шла рядом. И все знали, что война – это то, чего допустить больше никогда нельзя.

Но время – река, уносящая нас. Все проходит, постепенно погружаясь в туман. Очевидцев тех страшных событий все меньше...

Знаете, и вот то, что сейчас происходит на Украине, весь этот ужас, все это человеческое сумасшествие и помешательство, иначе и не скажешь, так вот все это неспроста. Это страшное, леденящее кровь напоминание нам о той войне. Какая бы она ни была: мировая, гражданская, отечественная – это война! Это горе, боль, человеческие страдания и трагедии, душевные раны, которые затянутся ох как не скоро!

И вот сейчас, когда поколению наших современников выпало такое страшное испытание, мы вновь вспоминаем о подвиге наших отцов, дедов и прадедов, победивших фашизм. Их победа бесценна! Память о них – это наше будущее! Время идет, казалось, война и все, что с ней было связано, стало уходить, стираться из человеческой памяти. Поколения сменяют друг друга, и боль, оставленная войной, стала ощущаться уже не так остро. Но стоп! Этого нельзя допустить! Во имя миллионов погибших, во имя живущих и будущих поколений мы должны помнить. И для тех, у кого память коротка, судьба преподносит сейчас такую жестокий,

бьющий наотмашь, отрезвляющий урок! Мы должны помнить! Мы должны приложить все усилия, чтобы сейчас, спустя 70 лет, в памяти людей воскресла добрая память о героях той войны. Как можно больше теперь надо говорить об этом с нашими детьми, надо писать, снимать, рисовать, лишь бы не дать человечеству забыть. Мы просто обязаны предупредить будущие поколения, передав им эту память. Пусть это будет не только наше предостережение, но и заклинание о мирном и счастливом существовании. Я художник, мое оружие – кисть. Вот почему я так часто обращаюсь к военной теме в своем творчестве. Я стараюсь приложить все усилия, чтобы мои художественные образы волновали душу, укрепляли патриотический дух, вызывали гордость и будили память людскую, наводя на мысли о недопустимости войны. Цепочка памяти не должна оборваться!

К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО

В 1942 году Алексей Толстой, выступая на сессии Академии наук СССР, сказал: «Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель окопа... Советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа».

Мы имеем право гордиться тем, что в годы Великой Отечественной войны в одних рядах с представителями других братских народов страны татарские писатели и поэты, способные держать в руках винтовку, все ушли на фронт, встали в ряды защитников Отечества.

«Не прогнав орды кровавой, Не поправ врага со славой, Не вернемся мы домой», — писал татарский поэт Муса Джалиль, погибший в застенках Моабитской тюрьмы в 38 лет.

Вниманию наших читателей мы предлагаем стихотворения лишь нескольких поэтов из тысячи, которые в те суровые и героические годы сражались за Родину, «к штыку приравняв перо».

Заки Нури
(1921 — 1994 гг.)

А В РЕКЕ ЛУНА КАЧАЕТСЯ...

А в реке луна качается,
Словно в люльке на волне,
А девчонка насмеяется,
Говорит с издевкой мне:

— Поднажми еще немножечко,
Ты влюбленный или нет?... —
И влетает наша лодочка
Белым лебедем в рассвет.

Я работаю без устали
От гряды и до гряды...
— Под Казанью — Волга узкая,
Было б море — как бы ты?..

На осколки звезды шальные
Разбивались о волну.
— Если быть тому — пожалуйста, —
И на Каспий поверну.

Мне теперь как крылья — веслица,
Море синее — по грудь.
Что смеешься, полночица?
Не забудь, опасен путь...

Знают только Волга-матушка,
Ялик утлый да прибор:
Зацепила девка за душу,
Стала песней и судьбой.

Абдулла Алиш
(1908 — 1944 гг.)

— Живи в светлейшем из краев земли.
Весь век в раю блаженствуй, небожитель!
— Нет рая мне от Родины вдали. Прошу,
в родимый край меня верните!
— Живи, как царь, ты, что живешь, как раб,
А Родина в неволе пусть томится!
— Чтоб Родина свободною была б,
Меня оставьте здесь, в моей темнице!

— Красавиц видишь? Каждая нежна.
Как шах, ты властен выбирать любую.
— Но изо всех красавиц мне нужна
Лишь та, что слезы льет, по мне тоскуя!
— Все золото бери себе тотчас!
— О вы, глупцы, зачем мне блески эти?
Родимый край и те, кто любит нас, —
Единственные ценности на свете!

Перевод Николая Гребнева

Наби Даули
(1910 — 1989 гг.)

ИМЯ ДОЧЕРИ

— Что случилось с тобой, цветок,
Отчего ты печален стал?
— Догадаться и сам бы мог:
Ты же дочку цветком назвал!
— Что в головку ты взял себе,
Просто девочек так зовут!
Если дочка растёт в семье,
И цветы хорошо растут!

— Что ты катишься, солнце, прочь
И за облаком прячешь грусть?
— Ты же солнышком кличешь дочь,

Муса Джалиль
(1906 — 1944 гг.)

НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал, упал он», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет.
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправде ли я устать и отстать?
Так вправде ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля —
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом?
Тебя назовет, если был ты борцом?!

20 ноября 1943

Перевод И. Френкеля

Константин Симонов
(1915 — 1979 гг.)

ЖДИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ...

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть

Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Фатих Карим
(1909 — 1945 гг.)

ЗА ОТЧИЗНУ

Пишу письмо перед началом боя.
Заговорят орудия сейчас.
И может быть, на солнце золотое
Сегодня я гляжу в последний раз.
Но я пойду, уверенный в победе,
Расстреливать без промаха врага.
Коль сам погибну — живы будут дети,
Моя отчизна будет жить века.
Бессмертен мир, и, пестротой сверкая,
Среди лугов останутся цветы.
Надолго сохранит земля родная
И песнь мою, и ног моих следы.
Мне умереть не страшно. Я спокоен,
Идя в огонь; под стягом боевым.
За славную отчизну павший воин
Рождает песню подвигом своим.

1942г.

Перевод Ярослава Смелякова

Мустай Карим
(1919 — 2005 гг.)

УКРАИНЕ

О Украина! Ветви наклони.
Вся в яблонях, плывет твоя долина.
Сапер отрыл траншею для меня,
Твои цветы засыпав, Украина!
Нет, не тиха украинская ночь!
Она дрожит, она к земле припала.
Я так спешил, чтоб яблоням помочь...
Трясется сад от пушечного шквала.
И чудится, что яблоня ко мне
Метнулась от пылающего тына,
К траншее руки протянув в огне,
Как девушка, чье имя Катерина.
Не блещут звезды. Воздух режет свист.
Прозрачно небо? Нет, оно незряче!
И на лицо мое скатился лист,
Упал слезою девичьей, горячей.
Довольно слез! Меня послал Урал,
Чтоб ты утерла слезы, Катерина.
Я под Уфою землю целовал,
Чтоб ты цвела, как прежде, Украина!
Чтоб яблоки склонялись на цветы
Над нашей перепаханной траншеей
И только ты срывала, только ты
Срывала их, от счастья хорошея,
И помнила о братьях, что помочь
Пришли тебе, чтоб снова, в море хлеба,
Была тиха украинская ночь,
Спокойны звезды и прозрачно небо.

Перевод с башкирского М. Максимова

Значит, я уже не гожусь.
— Ах, ты, глупенький солнца круг,
Кличут девочек так любя!
Самой лучшею из подруг
Будет девочка для тебя!

— Что ты, звёздочка, так тускла,
Словно выцвела от потерь?
— Ты же звёздочкой дочь назвал,
Кто же я для тебя теперь?
— Ах, ты, звёздочка, ах, глупыш,
Так дитя назовёт любовью.
Подрастёт она, погоди ж,
Будет тайны делить с тобой.

— Отчего не взошла, луна?
Без луны ведь и ночь не ночь.
— Видно, я уже не нужна,
Раз луной называешь дочь.
— Ах, луна, ты в обиде зря:
Имя дочери так светло.
Знай, ей дарит цветы земля,
Чтоб украсить твоё чело!

Перевод Галины Булатовой

Сейтумер Эминов
(1921 — 2004 гг.)

КОГДА

Когда настанет этот день
на нашей голубой планете,
когда не будет страшных войн,
когда не будет зла,
когда на всех концах земли
нам улыбаться будут дети.
Когда не будут ни в кого
стрелять из-за угла,
когда не будут убивать
ни в чем невинную пичугу.
Когда капканы уберут
во всех земных лесах,
когда не будет человек
ютиться где-то по лачугам.
Когда не будет горьких слез
в его больших глазах,
когда друг другу люди лгать
на всей планете перестанут,
когда природу понимать научатся они,
когда мы все поймем язык берез,
ромашек и платанов,
когда повсюду вместо пуль
засвищут соловьи.
Когда понять язык людей
волчонка научу,
когда любимая моя
ни разу в жизни не заплачет,
тогда и станет этот мир
таким, как я хочу.

Перевод с крымско-татарского

Сибгат Хаким
(1911—1986 гг.)

ЗАПАХ ПЕПЕЛИЩА

Как ни смотришь, глаз не сыщет
Под водою берегов.
Пахнет дымом пепелища,
Горьким дымом очагов,

Что остались подо Ржевом,
Под Орлом и под Дугой.
Пахнет стыльостью замшелой
Изб с покинутой трубой.

Словно ветры из-под Курска
Донесли ко мне сюда
Горечь запаха и вкуса
Сквозь туманы-холода.
Словно вновь над миром трубы
Оголённые торчат,
И у песни моей губы
Опалённые дрожат.

Перевод Венеры Думаевой-Валиевой

Кайсын Кулиев
(1917 — 1985 гг.)

ПОЭТ НА ФРОНТЕ

Склонясь над взлохмаченной гривой коня,
Поводья тугие сжимая в руки,
Он мчался в атаку. Отблеск огня
Играл на холодном клинке.
А ночью едва затухала заря,
Он молча бродил по уснувшей степи.
Потом, засветив огонек фонаря,
Писал на седле стихи.
Пока задавали корму коням.
Друзья собирались вокруг огонька
Послушать поэта. И чудилось нам
В стихах удары клинка.
Когда у врага отбивали село
И дети сбегались на шумный привал,
Он крошку босого сажал на седло
И тихо в глаза целовал...

Пер. с балкарского Л. Шиффера

Ахмед Файзи
(1903 — 1958 гг.)

У ДНЕПРА

Днепровский берег.
Дуб могучий.
Хранящий память о былом.
Как в песне, Днепр «ревет ревучий»,
И чайка режет синь крылом.
Победным маршем, Днепр широкий,
Шуми!
Мы над тобой стоим.
Как не гордиться нам высоким,
Прекрасным именем твоим!
Ты, Днепр, шуми, а я любимый
«Чонгар» — победы песнь — спою.
Пути великие прошли мы,
Беря любую пядь в бою.
Хочу я петь о счастье края,
И ты победно волны множь!
Наш голос — буря огневая,
Врагов киданущая в дрожь.
Спеши навстречу Днепрострою,
Чтоб новый свет отчизне дать.
Пусть мы расстанемся с тобою —
Нам вместе вечно побеждать!

Перевод Л. Хаустова

Гилемдар Рамазанов
(1923 — 1993 гг.)

Я стал участником событий,
Которым равных не найти.
О песни сердца, расскажите,
Что воин чувствовал в пути!
Быть может, критики укажут,
Что рифмы взяты наобум,
Но знаю, и педанты даже
Не осмеют солдатских дум.
По мне, лишь те удачны строки,
Те у поэта хороши,
Где мыслям есть простор широкий,
Где что ни слово — от души.
По мне, теперь, когда объята
Планета пламенем войны,
В дыханье каждого солдата
Поэты вслушаться должны.
Стихи шагают с нами в ногу,
Ведут дорогами побед,
И каждый воин хоть немного
В душе по-своему поэт.

Перевод с башкирского Д. Седых

Пророк МУХАММАД
(саллаллаху 'алейхи васаллям)

ХАДИСЫ

Люди Рая — преимущественно простодушные люди.

Ответ на письмо обязателен, как ответ на искренний привет.

Примирийте людей, пусть даже неправдой.

Ищите долю из тайников земли.

Подаяния не становятся причиной уменьшения имущества.

Больше всех прав у мужа к жене и больше всех прав к мужчине у матери.

Небольшое дело, выполненное со знанием, значимее множества дел, выполненных невеждой.

У каждой религии — свой особый нрав, в Исламе этим нравом является стыд (благопристойность).

Зависть пожирает добрые деяния, как огонь (пожирает) дрова.

Во времена больших раздоров люди в панике срываются со своих мест, кроме ученых, которых спасет свет науки.

Бог любит добросердечных и незаметных людей.

Бог любит каждое печальное сердце.

Бог любит добрые и славные дела и не любит мерзкие и незначительные дела.

Каждый, кто прощает, Аллах прибавляет к его почету, и Аллах возвышает того, кто бывает скромным.

Бог отважен для (защиты) мусульманина, он (мусульманин) тоже должен быть отважным.

Бог определил эту землю для меня как место поклонения и средство очищения.

Если Бог хочет добро для (определенного) народа, вводит их в затруднительное положение, чтобы стали испытанными и опытными и (впредь) могли постоять за свои права.

Самые тяжкие мучения на том свете (уготованы) для тех ученых, у которых слово расходится с делом.

Корни, распустившиеся насилием в земле, не приносят плоды правды.

Наихудшим из людей в Судный День перед Аллахом является тот, кого люди из-за боязни его злословия покидают, или же (именно из-за этой боязни) угодничают ему.

Сказали Пророку: «Проклинай неверных». Он сказал: «Не проклиная я послан, а помиловать».

Наилучшие науки — те, которые приносят пользу.

Наилучший из всех домов тот, где сирота пользуется уважением.

Говори с людьми по мере их ума.

Лучшими юношами считайте тех, кто подражает старцам, а худшие ваши старики — те, кто уподобляет себя молодым.

Те, которые подают руку лучше тех, которые берут за руку.

Усовершенствование доброго дела значимее его начинания.

Самое наихудшее из запретных (дел) — это донос.

Наилучшая милостыня дается словом.

Наилучшая милостыня — та, которая дается враждующему с вами родственнику.

Правдивость направляет вас к доброте, а доброта — к Раю.

Нет подарка от отца детям лучшего, чем благовоспитанность.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.,
Председатель редсовета.
Президент Некоммерче-
ского партнерства «Вата-
ным» («Мое Отечество»),
академик РАН, Российской
академии медицинских на-
ук, почетный академик АН
Башкортостана, Казахста-
на и Татарстана, кардио-
хирург

Алишина Х. Ч.
доктор филологических
наук, профессор Тюмен-
ского государственного
университета

Асадуллин Р. М.
президент Башкортостан-
ской организации «Вата-
ным», ректор Башкирского
государственного педаго-
гического университета,
доктор педагогических
наук, профессор

Ахметшин Р. К.
заместитель Премьер-
министра Республики
Татарстан – полномочный
представитель РТ в Рос-
сийской Федерации

Володарская Э. Ф.
член правления «Ватаным»,
ректор Московского инсти-
тута иностранных языков,
главный редактор журнала
«Вопросы филологии», ака-
демик РАН

Давлетшин Г. М.
доктор исторических на-
ук, профессор Казанского
Федерального универси-
тета

Нигматулин Р. И.
член правления «Ватаным»,
академик Российской ака-
демии наук, директор Ин-
ститута океанологии РАН

Сейфуль-Мулюков Ф. М.
член правления «Ватаным»,
журналист-международник

Смаков Р. М.
член правления «Ватаным»,
зам. председателя Верхов-
ного Суда РФ в отставке,
заслуженный юрист Рос-
сийской Федерации

Табеев Ф. А.
член правления «Ватаным»,
в прошлом многолетний
руководитель Татарской
АССР, посол СССР в Афга-
нистане, первый замести-
тель Председателя Совета
Министров РСФСР

Ренат Харис,
лауреат государственной
премии РФ (2006г.), народ-
ный поэт Татарстана,
член Совета по культуре и
искусству при Президенте
Российской Федерации

Главный редактор
Ринат Мухамдиев

Заместители главного
редактора
Лейсан Ситдикова
Ахат Мухамедов

Художник-дизайнер
компьютерной верстки
Асия Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

Учредитель:
Некоммерческое партнерство содействия
развитию институтов гражданского общества
«Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по
делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций РФ.

**Диляра Аги,
Гаяр Искандер**

ПОЛЕТЫ
НАД
ТАТАРСКОЙ
СЛОБОДОЙ

Упоминания о Татарской Сло-
боды Замоскворечья г. Москвы
известны с XIV века. Об этом
красноречиво говорят назва-
ния местных топонимов: улицы
Ордынка, Татарская, Большая
Татарская, Пятницкая, Толмачев-
ские переулки... Здесь веками
жили и работали татары, и сей-
час еще стоят добротные срабо-
таные ими дома. Потому на
Большой Татарской улице появи-
лась и первая в Москве камен-
ная Соборная мечеть, которую
теперь называют исторической.
А сто лет назад крупный нефте-
промышленник из Баку, купец 1-й
гильдии Шамси Асадуллаев при
участии местных татар неподале-
ку от мечети, в Малом Татарском
переулке выстроил школу для
мусульманских детей в четыре
этажа, которая сразу же стала и
культурным центром. В мае 1917
года тут прошел Всероссийский
съезд мусульман, а в довоенное
время здесь находилась тата-
рская школа-десятилетка, успеш-
но функционировал культурный
центр имени Ямашева, работали
всевозможные кружки. Можно
с уверенностью утверждать, что
все деятели татарской культуры,
находившиеся в Москве в то вре-
мя, так или иначе соприкасались
с этим Домом.

В этих исторических местах
тесно сплелись судьбы молодого
актера, студента режиссерского
отделения Московского государ-
ственного театрального института
Газиза Айдарского и студентки Мо-
сковской консерватории, певицы
Сары Садыковой. Поженились они
в 1924 году и поселились неподале-
ку, подле мечети «в маленькой
комнатке с византийским окном,
на первом этаже двухэтажного
дома без всяких удобств, именуе-
мого общежитием. Вели студен-
ческий образ жизни, связанный по
тем временам со многими лишен-
иями», - пишет в книге «Память
сердца» появившаяся здесь же
на свет в 1925 году их дочь Аль-
фия Айдарская. Это было здание
мектебе, стоящее и поныне. Эта-
жом выше жила семья имама Аб-
дуллы Шамсутдинова, с которой
подружились Газиз и Сара. Сюда
частенько заходил их общий
друг поэт Муса Джалиль и другие
представители молодой тата-
рской интеллигенции. Время было
голодное и холодное, но любовь и
дух творчества позволили счаст-
ливой паре, как на картине Марка
Шагала «Над городом», воспарить
в высоком полете над тяготами
повседневной жизни. «Нет, те годы
не согнули их, а обогатили и укре-
пили их знания, надежды на луч-
шее будущее», - вспоминает в сво-
ей книге Альфия Газизовна. Вот и
сейчас свет этих ярких звезд, под-
нявшихся над древней Татарской
Слободой, освещает путь тем, кто
старается сберечь огонек тата-
рской культуры в столице России.

В 1925-1926 годах в Казани Га-
зизом Айдарским с успехом была
осуществлена постановка первой

татарской оперы «Сания» С. Габ-
яши, где в главной роли выступила
несравненная Сара Садыкова, ко-
торую стали звать потом «татар-
ским соловьем».

В расположенном в Малом
Татарском переулке рабочем клу-
бе была организована под руко-
водством Г. Илызова, режиссе-
ров Г. Айдарского и Г. Саттарова
драматическая труппа, которая
ставила спектакли на татарском
языке. Позднее, в 1924-1933 го-
дах, вплоть до своей смерти Газиз
Айдарский становится художе-
ственным руководителем и глав-
ным режиссером Московского
центрального татарского рабоче-
го театра (государственного!), га-
стролировавшего по всей стране,
постановки которого неизменно
прерывались овациями от пения
«татарского соловья»...

... Прошли годы. После дли-
тельного перерыва в стенах Дома
Асадуллаева снова зазвучала та-
тарская речь. На той же историче-
ской сцене, где некогда выступали
корифеи татарского искусства Га-
зиз Айдарский и Сара Садыкова,
стоит их дочь, посвятившая после
завершения карьеры балерины
свою дальнейшую жизнь сохра-
нению памяти великих родителей.
Из года в год здесь она проводит
замечательные концерты, раскры-
вающие их творчество.

Музыка С.Садыковой – живая
классика, доносящая до нас ин-
тонации народных песен. Вот по-
чему она интересна разным по-
колениям слушателей, доступна
восприятию, волнует и радует.

Невольно возникают кар-
тинки из собственного детства.
Трудные послевоенные годы,
всем в стране нелегко. Бывало,
родители приходили с работы
уставшими, дома - голодные
дети, полно проблем, но в редкие
свободные минуты, когда
они вспоминали о татарском те-
атре в Доме Асадуллаева, о Саре
Садыковой, глаза их загорались
ярким огнем, голос звучал мягче,
и проблем как не бывало.

Скрипач Марат Ахметов в раз-
говоре с публикой признается в
любви к творчеству С.Садыковой.
Профессор, талантливый музы-
кант в составе замечательных
концертов не раз одаривал мо-
сквичей своими выступлениями.
Виртуозное владение инструмен-
том заводит зал с полуоборота.
Одна мелодия сменяет другую,
публика подпевает, рукоплещет -
волшебная карусель счастья, да
и только. По воспоминаниям оче-
видцев, такой же заводной была
и Сара ханым, в ней столько при-
родного обаяния, что не поддаться
ему было невозможно. Горящий
взгляд, нежный, волнующий голос
и неподдельная искренность – то,
что любили и за что тянулись к ней
люди. И в песнях ее они узнавали
себя. М.Ахметову удается пере-
дать ту магию, которую источа-
ла Сара Садыкова. Потрясенный
зритель, по-разному выражал
свои эмоции: аплодировал, пла-

Сара Садыкова и Газиз Айдарский. Москва, конец 20х г.

кал, смеялся - главное не оставал-
ся равнодушным.

«Отец, - вспоминает А. Айдар-
ская, - прекрасный, драматиче-
ский актер трагедийного плана и
один из первых профессиональ-
ных режиссеров с высшим обра-
зованием. Как режиссер, опирав-
шийся на метод Станиславского,
он требовал от актера правды и
искренности и сам выкладывался
до конца».

«Мать, - продолжает
А.Айдарская, - популярная дра-
матическая актриса, оперная
певица и композитор-мелодист.
Творчество Сары Садыковой от-
ражает многоплановые аспекты
национальной культуры. Погру-
жение в ее музыку актуально и по
сей день. Ведь не зря говорят, что
загадку можно разгадать, а к тай-
не надо приближаться и лишь по-
стигнув ее глубину, начинаешь по-
нимать истинное искусство.»

«В 1925 году, - пишет А. Ай-
дарская, была поставлена опера
«Сания», это произведение, рас-
сказывающее в художественно-
реалистических тонах о жизни
татарской деревни. Роль Сании
Сара Садыкова исполнила с боль-
шим мастерством. Фатых Амирхан
с радостью писал: «Главную роль в
опере «Сания» С. Габяши написал
специально для С.Садыковой, ее
чистого, льющегося, словно жур-
чащий родник, голоса. Молодая
певица с большим успехом вы-
держала экзамен перед казанской
публикой и осталась в ее памяти,
как создательница образа пре-
красной девушки».

Сара Садыкова и Газиз Айдар-
ский - эти имена для нас неразде-
лимы. Каждый своим творчеством
внес весомый вклад в формиро-
вание татарской самобытности.
Газиз-эфенди родом из деревни.
Там прошли его детские годы,
где с молоком матери он впи-
тал народные обычаи, традиции,
язык, что впоследствии отраз-
илось в его творчестве. В память
о местах, где родился и рос, а это
была деревня Айдар, взял себе и
звучную фамилию – Айдарский.
В жизни известный театральный
деятели был скромным, порядоч-
ным, отзывчивым человеком, по
отзывам старых мастеров сцены,
отличался благородством души и
интеллигентностью.

Как написано в книге «Память
сердца», отца своего Альфия-хан-
ум почти не помнит, но только
спустя несколько десятков лет,
восстанавливая его жизнь по кру-
пицам, она с гордостью может
сказать: «...именно такие люди,
занимавшиеся подвижничеством,
горевшие и сгоравшие на своей
работе, увлеченные как отец, дви-
гали дело вперед, способствовали
развитию татарского сценическо-
го искусства. Вечная благодар-

ность последующих поколений
театральных деятелей им всем...».

В каком бы жанре не твори-
ла Сара Садыкова ее сочинения
выделялись задушевным мело-
дизмом, мелизмами, не уместя-
ющимися в пяти линейках нотного
стана. Именно благодаря этим
«вкусностям» ее песни почти
сразу же становились народными
и исполняются до сих пор. И не
только татарами. Недавно выяс-
нилось, что мотив бурятской на-
родной песни «Степная кукушка»
совпадает с «Беренче мэхэббат»
(«Первая любовь») Сары Сады-
ковой. Имя автора до бурятских
степей не дошло, но мелодия-то
жива!

Песни С.Садыковой давно на
слуху у каждого музыканта, пев-
ца. Выросло не одно поколение,
воспитанное на ее произведениях.
Развитие татарской эстрады
трудно представить себе без ее
задушевных, веселых и искро-
метных песен. От лица зрителей
хочется выразить огромную бла-
годарность за те минуты радости,
которые мы вместе пережили на
очередном концерте по произве-
дениям Сары Садыковой. Только
в моменты таких эмоциональных
встрясок, как этот концерт, острее
ощущаешь принадлежность к сво-
ему народу и от этого, кажется, и
чувствуешь себя иначе, и жить хо-
чется по-другому.

... Г. Айдарского не стало в
31 год. Умер он от туберкулеза в
октябре 1933 г. В некрологе, на-
писанном М. Джалилем, говорит-
ся, что кончина человека такого
масштаба оборвала все надежды,
связанные с его вкладом не только
в национальную, но и в мировую
сокровищницу. Соратники отме-
чали в нем страстное и преданное
отношение к делу...

Его жена, С.Садыкова прожила
долгую жизнь, наполненную му-
зыкой. Страндания, выпавшие на
долю женщины, сделали ее стой-
кой и мужественной. Творческое
наследие этого человека огромно,
еще долго в сердцах людей будут
звучать ее мелодии...

Особую благодарность хочется
выразить Альфии-ханум. Она уже
порядка десяти лет организует
свои незабываемые концерты.
Одному лишь Богу известно,
сколько пришлось претерпеть ей
на своем долгом, сложном, но не-
сомненно счастливым веку. Стой-
кий характер помог ей с достоин-
ством исполнить свой дочерний
долг: по крупицам восстановить
семейную хронику, а главное - со-
брать и сохранить творческие до-
стижения родителей, подарить
это достояние тем, кому оно пред-
назначалось – татарскому народу.

Москва, 2015 г.

Свидетельство о регистрации СМИ
П/И № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

При реализации проекта используются средства
государственной поддержки (грант) в соответствии с
Распоряжением Президента Российской Федерации
от 17.01.2014 г. №11-рп и на основании конкурса,
проведенного Региональной общественной организацией
«Институт проблем гражданского общества».

Адрес редакции:
115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки
и распространения).

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать
05. 05. 2015.
Отпечатано в типографии
«ООО Медиа-форум».

Тираж 15 000 экз.